

Сказка заканчивается,
чтобы началась настоящая жизнь

Ю
Л
И
Я
★
У
З
У
Н

ИЗ СКАЗКИ
в
СУРОВУЮ
РЕАЛЬНОСТЬ

18+

Юлия Узун

Из сказки в суровую реальность

<https://litres.ru/67288971>

SelfPub; 2022

Аннотация

Красивая и крепкая любовь молодой русской девушки и турецкого красавца, казалось, будет длиться вечно... Но в одно мгновение сказка закончилась и героиня вернулась в суровую реальность. Ничего не предвещало беды. Хлоя уснула в объятиях любимого мужа, а рядом в кроватке спала маленькая дочка. Утром они растворились, словно утренний туман, не оставив и следа. Теперь отчаявшейся девушке предстоит найти мужа, чтобы задать главный вопрос - почему? Но вернуть ребенка окажется не так-то просто... Сможет ли героиня существовать в чужой стране? Докажет ли бывшему мужу, на что способна ради ребенка?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	17
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	37
ГЛАВА 5	53
ГЛАВА 6	65
ГЛАВА 7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Юлия Узун

Из сказки в суровую реальность

Пролог

Просыпаюсь резко, как от испуга, с бешено колотящимся сердцем. С трудом понимаю, где сон, а где реальность. В голове до сих пор слышатся голоса, но я не помню толком, что видела.

Разлившуюся по комнате тишину нарушает только мерное тиканье часов, висящих на стене. Роняю руку на вторую половину кровати. Мужа нет. Поднимаю глаза и смотрю на время. Почти десять. Странно, что Камелия меня до сих пор не разбудила. Улыбаюсь. «Моя маленькая соня», – думаю я и снова закрываю глаза. Это такая большая редкость, когда девятимесячный ребенок дает маме передышку.

Меня одолевает физическая слабость и усталость. А все потому, что мой пылкий муж любил меня этой ночью, словно в последний раз, и выжал все оставшиеся соки. Воспоминания вызывают новое желание, но, к сожалению, Ремзи на работе, и мне не к кому поприставать. Пришлось обниматься с подушкой, вдыхая любимый запах, и спать, спать, спать...

Когда я вновь открываю глаза, на часах уже больше двенадцати. Не может быть, чтобы дочка так долго спала! В конце концов, она должна проголодаться! Вскликаю и заглядываю в кроватку. Устремляю взгляд на крошечную фигурку под одеялом. В феврале ночи еще холодные и я использую ватное одеяло. Но что-то не так. Фигура кажется слишком безжизненной, отчего внутри нарастает страх, не просто страх – паника!

Резким движением дергаю толстый угол и... Ребёнка нет! – Спокойно, – говорю себе. Возможно, я что-то перепутала, и у Ремзи сегодня выходной. – Да, – нервно дышу, – он наверняка говорил мне вчера вечером, а я все пропустила мимо ушей.

Ищу телефон. Мысленно предполагаю, что Ремзи взял малышку погулять, пока мамочка будет отсыпаться. Так ведь не раз было!

Пол ледяной, но мои босые ступни не чувствуют холода. Я дрожу всем телом, просто от того, что волнуюсь.

Пальцы трясутся над сенсором. Набираю номер. Знакомый голос женщины-робота сообщает, что абонент недоступен или находится вне зоны действия. Повторяю набор снова и снова, хожу по дому, слушая гробовую тишину.

Возникает идея поискать их в парке. В нашем районе всего один парк, а если они не на улице, то единственным местом, куда они могли бы отправиться – дом амджи. Других родственников в этом городе нет.

И вот тут всё выясняется. Чтобы переодеться, открываю шкаф. Детских вещей нет! Открываю следующий и что я вижу? Вещей мужа тоже нет!

Падаю на пол, и тело трясется от беззвучных рыданий, сжимаю и разжимаю кулаки. Что? Ну, что я ему сделала, кроме того, что любила сильнее всего на свете?! Почему Ремзи бросил меня и увез самое сокровенное – нашу дочку?

Я спрашиваю Аллаха, в которого он верит всем сердцем, вскинув голову к потолку, но в ответ только тиканье, тиканье, тиканье...

Еще мгновение и тишину разрывает мой истошный вопль:
– За что?!

Глава 1

Как же больно осознавать реальность. Любишь человека каждой клеточкой, но не ценишь данные моменты. Потом живешь в каждодневном страхе потерять и теряешь. И нет больше будущего. Но если бы только это...

Он ушел и забрал нашу дочь. Мою дочь. А ведь он тоже клялся в вечной любви и ни на секунду не дал в этом усомниться.

Смотрю на свадебные фотографии, бережно расставленные мною, в рамочках на комод. В груди стремительно нарастает ярость, тяжело дышу через нос, а потом поднимаюсь с пола и одним махом сбрасываю все рамки вниз. Самые красивые разбиваются. Изымаю фото и рву на маленькие кусочки, точно так же, как он разорвал мою душу.

– Лучше бы ты не появлялся в моей жизни, Ремзи, – говорю, глядя на его улыбающееся лицо, потом рву напополам фотографию, и еще... потом еще. – Лучше бы ты не заметил меня тогда...

Июнь, 2016 год

– Куда ты летишь?!

– Простите, девишка, – сказал молодой парень, совсем еще мальчишка, на ломаном русском, затем оставил поднос, набрав в руки салфеток, и потянулся к моему платью. – Сейчас я вусё вытери.

Вытери он! Какая же я была злая.

Официанты носились, как угорелые по ресторану, что людей вокруг не замечали. А кофе не отстирывается! Я же вчера это платье купила! Мною овладело неприятное чувство досады, и я громко крикнула:

– Где здесь главный? – А мальчишке безрукому добавила: – Сейчас я тебе устрою сладкую жизнь.

– Пожалуйста, девишка, не нада главный. Я тебе вытери вусё.

Но я не слушала доходягу, а ломила вперед, заприметив элегантный костюм. В июне в жаркой Турции только у работников отеля можно увидеть пиджак или рубашку с длинными рукавами. И я была уверена, что это менеджер ресторана.

Я почти дошла до него, когда передо мной вдруг возник парень. Очень красивый парень. Его глаза цвета морской волны заставили меня немного смеяться. Хотела сделать шаг в сторону, уйти от него, но взгляда не могла оторвать. Парень гипнотизировал меня, и показалось, что он ухмылялся моей растерянностью.

Я, конечно же, узнала в нем аниматора по форме, которую они носили. За три дня пребывания в отеле я с подругой

дважды приходила на шоу и не могла не обратить внимания на белые майки и голубые шорты. Однако этого парня я видела впервые.

— Кофейное пятно можно вывести соевым раствором, — сказал он мне на чистейшем русском языке. — Просто замочить платье на пару часов в воде, добавив туда две столовые ложки соли. И не стоит жаловаться на беднягу из-за такого пустяка. Подумайте, его оштрафуют или уволят, а вдруг у человека больная мать или семеро по лавкам? Задайте себе вопрос, стоит ли ваше платье человеческих жизней.

Этимися словами он покорила мою неприступность. Как мало на свете людей, которые могут проникнуть в сердце человека так глубоко...

Настоящее время.

Хватаю ключи от автомобиля. К счастью, у нас, у каждого, своя машина и обе куплены на мои деньги. Мне в наследство от бабушки достался дом, который я выгодно продала, уезжая к нему в Турцию. Я ведь была уверена, что это действительно навсегда. Как же я была слепа! Слепо верила в его нескончаемую любовь, когда сообщила брату, что больше не вернусь в Россию.

Надеваю сапоги, замок на левой ноге не поддается, я реву и пытаюсь его застегнуть. Упорными усилиями мне удастся

это сделать, хватаю куртку, выхожу на улицу. Наверное, я забыла запереть дверь, да и к черту этот дом со всеми этими вещами! Без него и без дочки мне ничего не нужно.

Уже стоя около машины, решаю прогуляться до парка. Возможно, их кто-то видел, и дом амджи недалеко. Уж он или йенге, его жена, должны быть в курсе планов Ремзи. Они добрые, отзывчивые люди и любят меня. Знаю, что помогут прояснить ситуацию.

Кутаясь в воротник куртки, бреду до парка. Слезы остановить невозможно. Люди смотрят на меня, оборачиваются, но ничего не говорят.

Июнь, 2016 год

Его зовут Ремзи Тарлан. Родом из города Османели в провинции Биледжик. Вырос в семье фермера Муаза Тарлана.

Это то, что я узнала в первый день нашего свидания.

Пригласил он меня не сразу. Пару дней мы лишь обменивались неоднозначными взглядами, а потом Ремзи предложил показать Аланию – город, в который мы приехали с подругой отдохнуть. Я, если честно, не собиралась в отпуск, но подруга уговорила.

*«Нечего засиживаться в России. Ты должна мир пови-
дать, – говорила она, тыча пальцем на экран монитора, где
красовалось фото чудесного отеля на берегу Средиземного*

моря. – Вон, брат твой с женой каждый год едут то в Египет, то в Болгарию. А ты чем хуже?»

И я не хуже. Сказала, поехали. И не пожалела... тогда не пожалела.

Когда Ремзи позвал на экскурсию, подруга Стелла лично поспособствовала тому, чтобы я не торопилась возвращаться.

«Аниматоры такие душки, а тот светловолосый турок твой просто красавчик, – сказала Стелла и подмигнула. – Не уппусти свой шанс!»

С тех пор мы выходили гулять с Ремзи каждый день вплоть до моего отъезда.

Однажды мы сидели на невысоком скалистом холме, глядя вдаль на море и золотистый закат. Ремзи нежно обнимал меня за плечи, а я пристроила голову у него на груди.

– Откуда ты так хорошо знаешь русский? – спросила я.

– Учился пару лет в Москве, однако пришлось бросить... – он помолчал, затем неохотно добавил: – Из-за отца.

– Он не хотел, чтобы ты учился за границей?

– Да. Он вообще не любит иностранцев. Придумал какой-то денежный кризис и заставил вернуться домой.

Я чуть отстранилась, чтобы видеть его глаза и с хитрой улыбкой спросила:

– А если я стану твоей невестой, он тоже будет против?

– Думаешь, мне это так важно? – Его взгляд резко изменился, Ремзи стал серьезным, и от этого у меня подскочил

пульс, а во рту пересохло. Я почувствовала, как его пальцы теребили мои светлые пряди за спиной. Этот момент я отчетливо помню, как и его слова: – Почему же станешь? Ты уже моя невеста. – После чего поцеловал, и я погрузилась в мрачное оцепенение.

Я не сказала бы, что неопытна в этом деле. Тогда мне было уже двадцать пять лет и, разумеется, я успела узнать, что такое поцелуй и мужские ласки. Хотя серьезных отношений никогда не было, потому что боялась подпускать к себе мужчин. Но в ту секунду, когда его мягкие губы коснулись моих, я почувствовала себя влюбленной школьницей на первом свидании в жизни. Когда же представала перед Ремзи обнажённой, поняла, что отныне принадлежу только этому мужчине.

Мы подолгу разговаривали. Ремзи хотел знать практически всё о моей жизни.

– Расскажи теперь о своей семье, – как-то попросил он. Мы лежали в обнимку на кровати в номере дешевого отеля. Но нас ничего на свете не волновало. Тогда я абсолютно ничего не замечала, кроме его улыбки и веселых глаз цвета моря.

– Нечего рассказывать, – ответила я слегка уклончиво. – У меня семьи почти нет. Брат давно женился и уехал в Саратов. У них двое детей, но своих племяншей видела только несколько раз.

– А родители где?

– Они умерли. Меня с братом воспитывала бабушка, так что выросла я в деревне и знаю, что такое огород, весенняя посадка картошки и сбор урожая осенью.

Ремзи посмеялся и поцеловал мое плечо.

– Да, в этом мы похожи. Мой отец выращивает арбузы и дыни. Наше детство, в основном, прошло на полях. Мы работали даже по ночам. В этом плане отец был очень строг, поэтому мы с братьями выросли трудягами. За такое воспитание стоит быть благодарным.

И вновь я смотрела на него с восхищением и любовью, задавая про себя вопросы, поженимся ли мы, и какая у нас будет совместная жизнь. Я искренне верила, что Ремзи любит детей и обязательно захочет не одного, и даже не парочку карапузов. Я чувствовала, что он оказался именно тем человеком, которого всегда ждала.

– А твоя бабушка не станет отговаривать тебя от зятя-турка?

– Зятя? – я расхохоталась так звонко, весело, что Ремзи тоже не смог устоять.

– Ты не хочешь меня в мужья?

– Ну, может, и захочу, – смущенно произнесла, а после поцелуя добавила: – Если красиво предложишь.

– М-м-м... – он положил меня на спину, а сам повис над моим телом, собираясь вытворять со мной поразительные вещи. Но не сразу. Сначала он еще раз уточнил: – А как же бабушка?

— Год назад ее не стало, — с грустью ответила я. — В наследство оставила мне дом, так что, если ты меня позовешь к себе, продам дом и приеду. Все равно мне нечего терять.

И больше мы к этой теме не возвращались до следующего моего визита в Турцию.

Настоящее время.

Детский крик возвращает меня в реальность. Обнаруживаю себя сидящей на последней ступеньке горки. Слезы давно высохли, я пропала в собственных воспоминаниях и потерялась в них. Мучила себя, пытаюсь понять, что же шло не так, ведь мы очень крепко полюбили друг друга и Ремзи всегда повторял: «Ты моя судьба».

Где он? Где моя малышка?

На залитой солнцем детской площадке резвятся малыши. Папы раскачивают красивых дочек на качелях, а мамы в сторонке стоят, уткнувшись в телефоны, некоторые общаются, обсуждая будничные проблемы, своих детей и мужей. Вижу парочку знакомых русских девушек и сразу поднимаюсь на ноги. Нельзя, чтобы они меня заметили, так как обязательно спросят, где моя Камелия. И что я им отвечу? Что отец увез ее от меня? Любая ложь немедленно будет раскрыта. Я не готова к общению с ними, поэтому поспешно покидаю парк

и направляюсь к дому Эсата-амджи.

Район, где проживают родственники Ремзи, огорожен и охраняется отдельно. Эсат-амджа не богат, но его жена Гюльсум требует всегда только все самое хорошее. За аренду дядя Ремзи платит баснословные деньги, но оно того на самом деле стоит. Я часто приходила сюда с Камелией. Только сейчас это место кажется каким-то отчужденным, неприветливым.

Поднимаюсь на второй этаж и стучусь в знакомую дверь. Ждать приходится долго, но слышу шорох и повторяю стук.
– Йенге, это я – Хлоя! – кричу.

«Йенге» турки называют женскую половину, то есть своячениц, невесток, жен брата или друга. Гюльсум – жена дяди Ремзи, и я должна называть ее «йенге».

Стучу еще и еще, пока мне, наконец, не открывают. В небольшой проем вижу голову Хатидже, дочери Гюльсум. Она держится холодно и смотрит на меня свирепо.

– Чего тебе?

– Где Ремзи? Где моя дочь? Ты что-нибудь знаешь...

– Уходи. Ты им больше не нужна, – резко бросает Хатидже и хочет закрыть дверь, но я вовремя вставляю носок сапога.

– Ты знаешь, да?

– Уходи, говорю.

– Где он, отвечай! – Я слишком остро ощущаю подступившую панику, которую не в силах подавить. – Если ты сейчас же не скажешь...

Затем слышу ее визг.

– Папа!

Замираю, а в следующую секунду она толкает меня, и я падаю на ступени, и, кажется, я поранила руку. В ужасе смотрю на нее. Нет, я этих людей не знаю. Добрые и всегда готовые прийти на помощь люди превратились в монстров.

Появляется Эсат-амджа и очень зло говорит:

– Проваливай в свою страну и не ищи их больше. А для Камелии ты умерла.

Дверь с шумом захлопнулась. Где-то эхом расходятся голоса Хатидже и амджи, звучит имя Аллаха, а затем все стихает. Не могу поверить... Это сон?

Глава 2

Стамбул

Октябрь, 2016 год

– Иди ко мне! Я так скучала!

Ремзи вновь стоял передо мной после нескольких месяцев разлуки. Я дни считала до нашей новой встречи и вот, мы снова вместе. Он по-прежнему испытывал ко мне нежные чувства. Когда прижал меня к своей груди, долго не отпуская, я не удержалась и заплакала. А он целовал мое влажное лицо и повторял, как сильно любит.

– Ты для меня всё, Хлоя! Моя жизнь. Моя судьба. Мое будущее. Никогда тебя не отпущу.

Именно эти слова укрепляли мою веру в его чувства.

Мой брат не одобрял моего поведения. Не хотел занимать денег на билет до Стамбула, но выбора у него не было, потому что знал, что я достану деньги где-нибудь еще.

Коллеги, как один, твердили, что я спятила.

И только Стеллка поддерживала и всегда повторяла: «Это твой шанс. Не упусти его».

Меня же не пугало ничего. В России я не что иное, как жалкое существо. Работала секретарем в инвестиционной компании. Получала жалкую заработную плату, которую отдавала за квартиру. Мне приходилось снимать, да, так как до деревни сложно добираться, особенно зимой по зале-

денельным ухабистым дорогам. И к тому времени, как я поехала в Турцию отдыхать, дом уже был выставлен на продажу. Но теперь мои планы изменились.

Всю неделю, проведенную в Стамбуле, мы с Ремзи развлекались: гуляли по городу, ели «Балык екмек» (*бутерброд с филе жареной рыбы) под Галатским мостом, ездили смотреть Дворец «Топкапы» – султанатский дворец, где жила знаменитая Роксолана. Ремзи показал мне самые красивые мечети и рассказал про Ислам.

По вечерам мы шли на дискотеку, выпивали алкогольные коктейли, а затем возвращались в отель и занимались любовью всю ночь напролёт.

– Я хочу ребенка, Хлоя, – в одну из таких ночей как-то сказал мне Ремзи.

Оцепеневшая я не знала, что сказать, поэтому громко расхохоталась.

– Сначала женись на мне, негодяй, – пролепетала и хлопнула по мужественному плечу. А он меня покусал. Мы хохотали, как никогда.

И этот звонкий смех до сих пор эхом звенит в голове...

Настоящее время

Начало марта, 2020 год

Где все это теперь?..

Встаю с кровати и иду на кухню. Еда заканчивается, деньги тоже. У меня были кое-какие сбережения, но это мелочи. А через три дня необходимо внести арендную плату за квартиру. До сегодняшнего дня я не работала. Откуда у меня деньги?

Имея гражданство, я, конечно, могу найти работу, но не здесь. Не в Алании.

Почему?

У меня есть цель. И эта цель – найти своего ребёнка и вернуть его, во что бы то ни стало. Просто так мне дочь не отдадут, поэтому бессмысленно пытаться. Для того чтобы вновь обнимать свою девочку, я должна бороться.

Чтобы противостоять Ремзи и его семье, придётся запастись терпением. И не только...

Мне нужно запастись терпением.

Нужна сила.

Власть.

Деньги.

А значит, Алания – не вариант. Мне не помогут те гроши, которые здесь платят. Необходимо ехать в провинцию. Большой город – большие шансы. Я сделаю всё, чтобы добиться успеха и уничтожить того, кого любила всем сердцем. И, несмотря на то, что мои чувства к этому человеку еще живы, я не должна забывать и о ненависти. Блокировать все ходы в моем сердце, не поддаваться панике и оставаться в здравом уме – три критерия, которым буду следовать с этой

самой секунды.

И теперь, когда всё решено, пишу брату, сочиняю историю о том, что мне срочно нужна операция, но не хватает денег, прошу выслать, сколько сможет. Не хочу рассказывать правду и потом выслушивать лекцию «я тебе говорил». Идея с операцией сработала отлично, и в тот же день брат выслал мне две тысячи лир.

На первое время должно хватить.

Март, 2017 год

«Приезжай, прошу тебя. Мне присматривают невесту, хотя я говорил, что у меня уже есть ты. Но отец упертый и не хочет иностранку. Они просто не знают тебя».

Я получила это сообщение прямо перед восьмым марта. Помню, как дрожала всем телом, как ревела на всю квартиру, потому что не было денег, чтобы взять билет и тотчас же рвануть к любимому. Стелла принесла коньяк, и мы хорошо выпили. В тот вечер я не ответила Ремзи на звонок, вызвав у него волну ревности. Мы впервые поругались.

Через неделю он остыл и прислал следующее сообщение: «До сих пор я отказывался от претенденток. Но родители не сдаются. Если до конца месяца ты не приедешь, то соглашусь жениться».

И, наверное, это всё-таки судьба, поскольку через два дня

нашелся покупатель на дом, а это означало, что я свободна. В России меня больше ничего не держало. Уехать к нему и больше не думать ни о чём.

«Я приеду. Навсегда», – был мой ответ.

Продав дом за считанные дни, сообщила брату о своем решении и хотела выслать его долю, но он отказался, сказав, что мне пригодятся эти деньги.

– Спрячь мою долю на всякий случай. Вдруг он тебя обманет. Так хотя бы у тебя будут деньги вернуться и устроиться здесь заново, – сказал он.

Мой брат Влад всегда был таким. Он старше меня на пять лет, но стал почти отцом. У него свой бизнес, поэтому в деньгах никогда не нуждался и часто помогал мне... даже в совершении моих глупостей. И я понимала его чувства, когда он пытался отговорить меня от отъезда, но упрямо твердила одно: «Мы любим друг друга, и я буду счастлива».

После того, как билеты на самолет были у меня на руках, уволилась с работы и устроила последний вечер с друзьями. Я знала, что никогда больше не вернусь в Россию. Что-то глубоко внутри подсказывало: я поступаю правильно.

Настоящее время

Банкомат возвращает карту и принимается отсчитывать деньги.

На улицах тихо, ни души. Сезон начнется через месяц, и тогда район Конаклы, где мы проживали всё это время, заполнится торговцами и любопытными туристами. Из кафе и ресторанов будет слышна музыка. По краю дороги замученный верблюд будет катать детишек за скромную плату. А я буду не здесь. Не со своей дочкой. Как же мне страшно представить своё будущее, если ничего не получится.

Прячу деньги в кошелёк, туда же сую карту и возвращаюсь к машине. В багажнике лежат только те вещи, которые мне жизненно необходимы. Всё остальное осталось в квартире. Хозяйев я не оповестила о съезде. Решила исчезнуть точно так же, как и Ремзи – без следа. В любом случае, они будут искать не меня, а его. Поэтому голова не болит по данному поводу.

Но перед тем как выехать в Анталию, у меня остается еще одно дело. Я не так безнадежна, как кажется. В Конаклах живет моя подруга Света. Она тоже русская, как и я, замужем за турком и у них двое мальчиков. Мы подружились благодаря нашим мужьям. Они несколько лет работали вместе, а потом как-то раз Ремзи пригласил семью Хусейна к нам на ужин. Мы со Светой сразу же нашли общий язык. Тогда мы обе были беременными на разных сроках. А ее полугодовой старшенький игрался с моими прищепками. Потом они нас позвали в гости. Так и пошло. С тех пор мы со Светой делились всеми бытовыми невзгодами и успехами собственных детей. Все русские праздники праздновали вместе. Я дове-

ряю Свете и иду к ней, чтобы попросить о помощи, обещая себе быть сильной.

Сначала звоню ей, чтобы убедиться, что Хусейн не дома, затем оставляю машину далеко от места, где они живут, и немного иду пешком. Солнце светит ярко, воздух чистый, весенний.

Она радостно встречает меня, и я рада, но больше всего тому, что её детки спят. Не смогу спокойно смотреть на них. Мне и без того очень тяжело без моей крошки.

Мы приветствуем друг друга как обычно, а потом Света спрашивает, где Камелия и, не в силах больше сдерживаться, начинаю плакать. Мои плечи трясутся, я подавляю желание рыдать навзрыд. Не хочу разбудить малышей. Света обнимает меня.

– Что случилось, Хлоя?

Не дождавшись ответа, она ведет меня на кухню и усаживает за стол.

– Ну-ка, присядь. Я сейчас заварю нам чай, и ты всё подробненько расскажешь. Хорошо?

Беру салфетку и киваю. За этим я и здесь.

За чашкой чая с мелиссой немного успокаиваюсь и мужественно описываю свою нынешнюю ситуацию. Света не верит своим ушам. Ее глаза широко раскрыты, а из горла выходит то «ох», то «ах».

– Какая сволочь! – не сдерживается подруга. – Звонила ему?

– Много раз. Недоступен. Мне кажется, он сменил номер.

– А родственники что говорят?

Тяжело вздыхаю.

– На мои звонки никто не отвечает. Ходила к амдже, но меня прогнали. Я ничего не смогла добиться, кроме того, что мне сказали: «Теперь ты им больше не нужна».

Подруга прикрывает рот ладонью, в ужасе глядя на меня:

– Но почему ты не пришла ко мне раньше?

– И что бы ты сделала, Свет?

– Ну, хотя бы поддержала... – обиженно отвечает она.

– Прости... Я не знала, как лучше поступить. Но теперь в голове созрел план, и надеюсь на твою помощь.

– Даже не сомневайся. Я как представлю... как подумаю...

– Её сковывает ужасом, а на лице вижу страх. С каждым может случиться, и это на самом деле очень страшно.

Глажу её по руке.

– Я уеду. И у меня к тебе просьба. При любой возможности сообщи Хусейну, что я вернулась в Россию. Ремзи должен перестать от меня прятаться. Почему-то меня не покидает уверенность, что если он узнает, что я далеко, то вернется сюда. Вместе с Камелией. Твоя задача выяснить это. И как только заметишь мою дочь в парке, или твой муж ненароком проболтается о чем-то, сразу сообщи мне.

– Но что ты собираешься делать? Не будешь же ты воровать ребенка? Мне кажется, это бессмысленно, ведь Ремзи может...

– Знаю. Знаю, что он может, и не собираюсь её воровать. Я пойду другим путём. Хочу добиться успеха. Если появятся деньги, то будет шанс нанять хорошего адвоката. – Делаю глоток чая. – Но не хочу, чтобы моя дочь забывала свою маму. Поэтому найду способ ее навещать. И ты единственный человек, который сможет мне помочь. Ты, Света, моя ниточка. Просто сообщай новости, а я все сделаю сама.

– Господи, как же я тебе не завидую, – чуть не плача произносит моя подруга. – Помогу, чем смогу. Обещаю. Только куда ты поедешь?

– Прости, но этого не буду пока говорить. Не обижайся, но ради собственной безопасности...

– Конечно, о чём ты! Я не обижаюсь. Просто не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

– Не случится, – заверяю Свету.

И это правда. Хуже, чем есть, уже не будет.

ГЛАВА 3

Март 2020 год

Еду на маленькой скорости по широкой гладкой трассе. Мимо проносятся грузовики, лихие легковые автомобили; скутеры летят, несмотря на проливной дождь. Всегда поражалась, насколько турки любят разъезжать по городу на этих «моторах», как они их называют. Но мне некуда спешить. От Алании до Анталии всего два часа. Полпути уже преодолено. Свернула в город Сиде, чтобы перекусить в кафе, где подают завтраки. И теперь буду ехать до самой Анталии без остановок.

Мысли все только о дочке. Чем её кормят? Вовремя ли укладывают спать? Чему учат? Как купают?

У меня есть повод волноваться, хорошо зная свою свекровь. Ей не составит труда угостить малышку острым перцем или всучить жирную косточку с мангала пососать. Она может не укладывать ребенка на дневной сон, так как важнее сходить к соседке, чтобы перемыть кости, как минимум, сотне других соседей и родственников. И если я заботилась о том, чтобы моя девочка к девяти часам вечера уже спала, то со свекровью она будет гулять до полуночи, а то и больше. А если заплачет? Существует Чупа-чупс или другая сладкая дрянь. Господи, ей только девять месяцев!

Мы старались как можно реже с ними встречаться. Езди-

ли в Османели на праздники или важные события. За последние четыре года свекры приезжали к нам раза два, и тогда я была на грани нервного срыва. Меня раздражало, когда свекор пытался научить Камелию говорить «папа – дурак» вместо чего-нибудь умного. А когда моя дочь это повторяла, все дружно смеялись.

Колочу руль от злости. Не хочу думать о том, какого ребенка получу в итоге.

Если бы я только могла просто заявиться к ним, сказать что думаю и, взяв свою дочь, уехать... Уверена, Ремзи отвез Камелию в Османели к родителям. Потом сменил номер телефона и предупредил всех родственников, чтобы игнорировали меня. А может, у него давно был такой план? Что, если он просто пускал мне пыль в глаза для того, чтобы родила? Конечно, самый сложный период, когда ребенок привязан к матери с помощью грудного молока, прошел – Камелия оторвалась от груди в восемь месяцев, то есть за месяц до похищения – и теперь с ней не очень сложно. И правда, зачем я им? Вредная русская невестка, которая вечно лезет со своими правилами, отклоняя их обычные семейные устои. Я не подарок, согласна. Но, черт, я ведь мать!

На глазах снова слезы... чувствую, как горят щеки. Немного опускаю боковое стекло, чтобы глотнуть воздуха.
– Ненавижу! Всех их ненавижу!

Апрель 2017 год

Видела ли я сам город Османели? Нет. Даже несмотря на то, что прожила там два с половиной месяца, пока готовили свадьбу. Самые крутые достопримечательности, которые я могла бы назвать – свадебный салон, пара кафе и дома родственников Ремзи. Каждый вечер мы шли к кому-то в гости или гости шли к нам. Иногда я чувствовала себя неведомой зверушкой, так как все спешили поглазеть на новую гелин (тур.: невеста) Муаз-бея.

Любовь ослепляла меня настолько, что я упрямо старалась все это принять и не обращать внимания. Надвигалось событие, а Ремзи – старший сын, который женится первым, да еще и на иностранке. Дети скопом выстраивались вокруг меня и просто глазели как на попугая в клетке: а каким образом он себя поведет? Скажет что-нибудь или он не разговаривает? А если потрогаю, он меня цапнет?

Язык я выучила позже, поэтому первое время могла лишь лучезарно улыбаться и кивать на всё подряд, если Ремзи рядом не было.

После всего, что нам пришлось пережить, подобное поведение людей только радовало. В конце концов, я впервые видела семейную сплоченность и добродушие. Турки действительно умели быть гостеприимными и добрыми. Един-

ственный человек, которого я боялась – отец моего будущего мужа.

Как только я приехала в Анталию, Ремзи нашел квартиру, где мы смогли остановиться. С мамой и своей сестренкой Ферузой он познакомил меня в тот же день по телефону, и мне показалось, что они приняли меня за свою. Его мама Эмине, которую впоследствии я стала называть «анне»* (мама), называла меня с самой первой минуты «кызым»* (моя дочь).

Целую неделю Ремзи был на нервах. Отец не хотел иметь с иностранкой ничего общего. Кидался гнусными фразами: «Ты мне больше не сын, раз не уважаешь мнение отца!» или «Пуškai твоя русская возвращается туда, откуда приехала. Я не желаю иметь непонятно какую невестку».

Ремзи умалчивал о том, что родственники много раз настаивали его на то, что я могла обвести его вокруг пальца и бросить. Вот же позор бы был! Это мне Хатидже рассказала уже через год после свадьбы, когда всё улеглось. Именно к ней Ремзи привёл меня, чтобы та научила, как вести себя в турецкой семье. Хатидже постаралась от души, поэтому, приехав в Османели, я сумела показать себя с лучшей стороны, и Муаз-бей принял меня, сказав, что будущая жена его сына и должна быть такой.

Следующим шагом был нишан* (помолвка). Эмине-ханым приготовила вкусный ужин и пригласила близких родственников, а также некоторых соседей. В их двухэтажном кот-

тедже толпился народ, что стало для меня сложностью. Я ведь не привыкла к скопу людей, тем более незнакомых. Но, тем не менее, летала на седьмом небе от счастья.

– Наконец-то всё позади, и мы будем счастливы! – ворковала я на ухо Ремзи, а его глаза блестели от удовольствия. Это то, что мы хотели.

В тот вечер брат Эмине-ханым надел на наши пальцы золотые кольца, перевязанные с обеих сторон красной лентой. Затем, под прицелом множества камер с телефона, разрезал ленту пополам.

С того момента мы начали готовиться к свадьбе.

Настоящее время

– Как же ты будешь жить дальше? У тебя деньги хотя бы есть? Работа с неба ведь не упадет, – спрашивала Света, пока я обувалась.

– Брат выслал кое-какую сумму. На первое время хватит.

– Храни тебя Господь, дорогая.

До сих пор помню крепкие объятия подруги. Крупные слезы катятся по щекам и падают на джинсовую ткань, но я даже не думаю их вытирать. Бабушка всегда говорила: «Печаль не должна сидеть внутри, пусть она выходит через слезы».

Перед глазами пролетел самолет так низко, что можно бы-

ло различить логотип авиакомпания. Аэропорт уже близко. Я почти в Анталии. Сбавляю скорость. От волнения дыхание становится прерывистым, поэтому стараюсь дышать через нос. Как же я не люблю перемены. Я довольствовалась тем, что есть, но теперь вынуждена менять привычную жизнь, да и страшно, когда впереди открывается неизвестность. Я еще толком не знаю, чем займусь. Планов никаких нет, кроме стремления помочь себе взлететь по карьерной лестнице, чтобы впоследствии отомстить мужу, растоптать его так же, как он растоптал мою любовь.

– Я разобьюсь в лепешку, но добьюсь успеха, – разъярялась в гневе, когда мы со Светой еще сидели на кухне ее квартиры. – Это единственный шанс вернуть дочь.

– Ты сможешь, я в тебя верю.

Слова подруги согревают душу, вселяют уверенность, поэтому я въезжаю в город и начинаю медленно двигаться по главной улице мимо ряда привлекательных бело-голубых домиков. Мне необходимо найти ночлег. Отели и гостиницы исключаются, так как это дорогое удовольствие и мне не по карману.

И опять вспоминается разговор с подругой.

– Найди квартирку или лучше комнату, старайся экономить первое время. Женщине, тем более русской, очень трудно найти работу в Турции без родственной поддержки. Если у меня будет кто-то на примете, чтобы...

– Нет, – перебила подругу. – Никого не надо. Я буду про-

биваться сама. Да, будет трудно, но выбора нет, Свет.

Она печально вздохнула.

– Ты не пробовала с братом Ремзи говорить? Он ведь всегда был к тебе добр.

– Ну да, добр... – горько усмехнулась. – До тех пор, пока я не отказалась жить с ним под одной крышей. Для меня отдельная семья – это святое, а жизнь с братьями или сестрами только испортила бы наши с Ремзи отношения. Разве я не права?

– Конечно, права. Но... Им тебя не понять.

– Подозрительно, насколько быстро все среагировали. Хатидже никогда так со мной не разговаривала. Я ее почти своей подругой считала.

Света накрыла мою руку своей и поджала губы.

– Сколько раз тебе говорила: турчанки не умеют дружить. Поэтому я держусь от них всех подальше. «Привет», «пока» и всё. Больно надо. Они лицемерки еще те!

Да уж... Это я наивная и глупая дурочка верила всем без исключения. А теперь в полном дерьме.

Июль 2017 год

Скрипнула дверь, и я оторвала голову от подушки, облокотившись на локоть. В комнату вошел Ремзи. Его темный силуэт застыл возле узкого окошка, сквозь которое сочился

ночной сумрак.

– Который час? – мой голос прозвучал с хрипотцой. Я успела хорошо уснуть.

– Спи, – ласково шепнул Ремзи, присаживаясь на край кровати, чтобы снять носки. – Я тихонько разделюсь и лягу рядом с тобой.

Я снова легла, уставившись в черный потолок. Сон пропал, а в голове крутился вопрос: где он пропадал все это время? Странное дело, каждый день Ремзи оставлял меня с женищинами, которых я не понимала, а сам уходил гулять с друзьями. Чем он мне это объяснял? Говорил, что после свадьбы мы уедем в Аланию, и он хочет повидаться со всеми друзьями и родственниками до отъезда. Черт, ну не до двух часов ночи же! Просила взять меня с собой, а он отвечал, что я должна быть скромнее и помогать маме с приготовлениями. Что в итоге? Мама и Феруза усаживали меня в комнате с соседками, которые с интересом глазели на меня и что-то обсуждали между собой. Единственным развлечением стал мобильный телефон, откуда я черпала знания по турецкому языку.

– Я устала, Ремзи, – заныла, упираясь носом в его грудь. – Хочу поскорее переехать в наш дом.

– Осталось чуть-чуть, – успокаивал он, поглаживая мои длинные пряди. – Ты всем очень-очень нравишься. Мама от тебя без ума!

– Я рада... Но не зная языка, находиться среди всех этих

людей скучно. Феруза веселая и очень старается развлечь меня, но я не перестаю думать о тебе.

– Поверь, я тоже много думаю о тебе. Просто потерпи.

Дальше он не дал продолжить разговор, накрыв меня своим телом и заткнув рот поцелуем. Ремзи безумно любил меня, захлёбываясь чувствами. С ним я ощущала себя защищённой, нужной, любимой и забывала обо всём на свете.

А на следующий день все повторялось. Утром мы завтракали вместе в окружении семьи и это, наверное, были самые приятные моменты. Завтраки в Турции славятся разнообразием и богатством. На столе всегда можно увидеть сливочное масло, несколько видов сыров, помидоры и огурцы, оливки, мёд, варенье, пекмез, жареные или вареные яйца, чай в маленьких фигурных стаканчиках и, конечно же, свежий хлеб. О, это божественно! Всегда начинаю с горячего хлеба. Сначала откусываю большой кусок мягкого хлеба, немного держу во рту, хрустящая корочка приятно щекочет язык, и рот наполняется слюной. Потом уже начинаю макать в менемен* (турецкая яичница с овощами) и поглощать вкуснейшую еду. Турецкий завтрак – это то, что я полюбила всем сердцем.

Настоящее время

Вспоминая менемен, мой рот растягивается в улыбке, а

желудок подает сигналы о том, что пора бы подкрепиться.

Оглядываюсь вокруг. За несколько часов устала сидеть за рулем, поэтому, увидев небольшой скверик со скамейками, решила передохнуть и подышать свежим воздухом.

С моего места открывается вид на Средиземное море: синяя гладь поблескивает на солнце, вдалеке виднеются белые корабли. Прохладно, поэтому кутаюсь в вязаный кардиган и думаю о горячем чае в турецком стаканчике. Но поблизости ни намека на кафе.

Возвращаюсь к машине, но прежде чем сесть в нее, интересуюсь у прохожего, где здесь можно попить чай с булочками.

– Езжай на проспект Гюллюк, – говорит мужчина, тыча пальцем в нужное направление. – Там есть отличная булочная.

– Спасибо, амджа! Благослови тебя Аллах! – благодарю пожилого мужчину и отправляюсь на поиски «Симит Сарайы». И быстро его нахожу.

Заказываю два пирожка, гюль бёрек* (булочка в виде розы) со шпинатом и чай. Интересуюсь у официанта, где здесь можно снять квартиру или комнату.

– Извини, абла, – разводит руками парень. – Я сам приезжий. Из Диярбакыра. А ты откуда?

Смотрю на бородатое лицо парнишки. Глаза его светятся от радости.

– Из Алании, – отвечаю.

– О, красивый город. Я один раз там был.

«Рада за тебя», – думаю про себя. Заговорить с человеком здесь очень просто. Но вот заставить его отцепиться – тяжело. К счастью, в кафе заходит семья, и парень вынужден идти их обслуживать.

– Поспрашивай в районе, может, кто-нибудь поможет, абла, – говорит он и отходит.

И я следуя его совету, катаюсь по району до самого вечера, но так ничего не нахожу. А когда силы иссякают, и глаза начинают закрываться, паркую машину, забираюсь на заднее сидение, устраиваю кровать, подложив под голову груды кофта, укрываюсь пледом, который прихватила с собой на всякий случай. Так и провожу ночь.

ГЛАВА 4

Их кожа соприкасалась с нежной прохладой простыни, и только жар, исходящий от переплетенных тел, в котором без остатка сгорали все печали и страхи, заставлял не замечать этого. Оба пылали желанием подарить незабываемые мгновения. Его губы скользили вверх и вниз. Смаковали и дразнили. Его руки проделывали путь от ее груди до бедер и обратно, заставляя молодую девушку дрожать всем телом и извиваться под ним.

– Ты моя, – беспрерывно шептал он. – Никому и никогда тебя не отдам.

Она не отвечала, только требовала больше поцелуев, а получив желаемое, издавала сладкий стон.

– О, Ремзи... Я никого и никогда так не любила...

– И не полюбишь... После меня ты больше никого не полюбишь...

...Слова, услышанные во сне, вырывают меня в реальность. Лежу на заднем сиденье своей собственной машины, а перед взором лишь голубое небо с единственным белым облаком. Одинокая птица скользит где-то вдалеке. Мир так

красив, так гармоничен в своем молчании.

Некоторое время думаю о Ремзи, так как обрывки из сна еще не отпускают. «После меня ты больше никого не полюбишь»... Да, наверное, так и есть, потому что разочаровалась в любви. Теперь не поверю в чувства – никогда и ни за что. Всё, чего желаю – вернуть мою кровиночку и жить с ней в горе и радости. А мужчин на пушечный выстрел не подпущу. От них одни беды.

Пора вставать. После сна в неудобной позе и на узком сиденье спина болит так, словно мне довелось упасть с большой высоты. Разминаюсь, вытягиваю руки вверх, насколько позволяет потолок машины, после чего складываю плед, одежду убираю в пакеты и выбираюсь на свежий воздух. Сегодня очень тепло и облака не загораживают лучи солнца. На мне джинсы и кофта из легкой ткани, обычно поверх нее надеваю джинсовую куртку, но сейчас она не нужна.

Еду в кафе, заказываю завтрак и проверяю сообщения на телефоне. Светлана писала в «Вотсап», интересовалась, добралась я или нет.

Быстро набираю ответ и иду дальше.

Влад спросил, получила ли я деньги, и решил уточнить, когда операция. Зависаю, пока обдумываю ответ. Вранье... как же я ненавижу лгать брату. Но ничего не поделаешь, поэтому пишу уклончивый ответ, якобы еще неизвестно.

От Ремзи – ничего.

Далее день проходит в суете и поиске работы. Бензин за-

кончился, пришлось заправиться. В обед перекусила чипсами и фруктовым соком. Денег становится меньше, а результатов ноль. Вторую ночь приходится ночевать в машине. Работы нет.

Следующий день еще жарче, чем предыдущий. Продолжаю искать хоть что-нибудь. Я согласна уже на любую работу: от продавщицы до полодрайки. Март – это именно тот месяц, когда работа есть везде, ведь скоро откроется сезон и повалят туристы, а значит, самым идеальным вариантом может стать отель или общепит, кафе или закусочные, а также ларьки или магазины. Что плохо в Турции? Мало кто любит нанимать женщин.

«Мы с вами свяжемся», – как один отвечали менеджеры отдела кадров.

Как будто я могу ждать.

Ужасно нервничаю, злюсь, пинаю колеса своей машины, но потом понимаю, что легче от этого не становится.

Еще одна ночь в машине. Выгляжу я хуже и хуже, потому что нужен душ и нормальный полноценный отдых. Где я умываюсь? В чешме* (фонтан), как называл их мой муж, находящиеся обычно около мечетей. Это небольшое строение из камня с краном. Вода там обычно чистая и ее даже можно пить, что я и делала все это время, потому что деньги надо экономить.

На третий день я бросаю вызов всем фирмам, которые работают с недвижимостью. Все-таки это то, чем я занималась

в России долгое время, у меня есть опыт и знания. Для этого составляю резюме, удобно расположившись в кофейне, затем иду в канцелярский магазин и распечатываю пятьдесят копий. В фотосалоне фотографируюсь, а это еще расходы, пятьдесят фотографий выливаются в кругленькую сумму. Что ж, зато есть шанс.

К вечеру уставшая и измученная я прогуливаюсь по пустому пляжу, глядя на то, как море слизывает узенькие следы на песке. Точно и не припомню, когда в последний раз была на пляже, а солёная вода ласкала мою кожу. С Ремзи это было почти невозможно из-за его ревности. Я отказывалась носить закрытые купальники или как они их там называют – хашема? Поэтому он просто-напросто запретил мне ходить на море – исключительно в его компании и на закрытый пляж, где было мало людей. Только сейчас понимаю, что раньше это для меня ничего не значило. Но глупо ведь, не так ли?

Заприметив летнее кафе, замедляю шаг. Снаружи вижу грязные столы и стулья, но внутри, похоже, кипит работа. Несколько человек сидит за столиками у окна, а между ними туда-сюда снуют официанты.

У меня так болит голова... чувствую, что еще немного и упаду в голодный обморок. Надо что-нибудь съесть и попить горячий чай. С этими мыслями двигаюсь к кафе. Захожу и устраиваюсь за свободным столиком. Внутри сухо и тепло. Игрет современная турецкая музыка. Атмосфера уютная,

в общем, это меня впечатляет и очень нравится. Молодой мальчишка в белоснежной рубашке с бейджиком на груди приносит меню, и я выбираю чечевичный суп.

– А после можете принести мне чай?

– Конечно, – отвечает официант и шустро уплывает с моих глаз.

За барной стойкой замечаю парня с длинными волосами, затянутыми на затылке в пучок. Что особенно бросается в глаза – густая кудрявая борода, которая несколько не портит его внешность, а наоборот, придает некую изюминку образу. Турецкие мужчины предпочитают отращивать усы и бороду и у них есть даже мода на определённые модели. То, что парень по возрасту не старше, чем я, видно невооружённым взглядом. Он расслабленно пьет чай и по-хозяйски следит за обстановкой в кафе. А поскольку на моих глазах он пару раз дал указания мальчишкам, мне не составило труда понять, что он работает здесь.

Пока жду, от скуки разглядываю фотографии дочки на телефоне. Воспоминания лучших дней такие яркие, словно все это было вчера. На глаза сами собой наворачиваются слезы. И я думаю, что никто этого не замечает, однако оказываюсь неправа, потому что тот самый бородатый парень подходит ко мне, и я слышу низкий хрипловатый голос:

– С вами всё хорошо? Могу я чем-нибудь помочь?

В ответ дергаю плечами, потому что ком в горле не позволяет словам вырваться наружу.

Официант приносит мой суп. Парень забирает тарелку и ставит ее передо мной сам.

– Ваш суп, – произносит он, продолжая смотреть на мое покрасневшее лицо.

Возможно, он хочет отойти, но воспитание не позволяет. Перед ним плачущая девушка, а значит у нее проблемы. Турки не бросают людей в таких ситуациях.

– Хотите воды?

Киваю головой, что хочу. Через минуту стакан уже стоит на столе, а парень садится напротив.

– С вами случилось что-то неприятное? – мягко спрашивает он.

– Даже не знаю, как это назвать, – отвечаю после некоторого раздумья. При других обстоятельствах я бы не стала разговаривать с незнакомым человеком, но сейчас, учитывая, что у меня совсем никого нет, могу делать, что моей душе угодно. Да и парень кажется серьезным, без каких-либо плохих намерений. Я не утверждаю, что разбираюсь в людях, особенно после того, что случилось с Ремзи, однако... Что мне терять?

– Вы одна в этом городе? Где ваша семья?

– Нет у меня больше семьи.

Не стану же я рассказывать ему о том, что сделал мой муж. В этом нет никакого смысла. Парень, видимо, сделал какие-то выводы, так как теперь смотрит на меня сочувственным взглядом.

– Не могу найти работу, – тихо произношу. – Живу в машине уже три дня. Деньги заканчиваются, а жить как-то надо, понимаете?

Парень задумчиво кивает, но молчит, поэтому мне приходится самой продолжать разговор:

– В своем городе я просто не могла оставаться. Да и там я была бы одна. Думала, что в большом городе перспективы выше, но... – мою фразу обрывает треньканье телефона. Опять Света прислала сообщение. Ничего особенного, потом отвечаю. Но на всякий случай читаю, затем откладываю телефон в сторону. Экран какое-то время не гаснет, выставляя напоказ фотографию моей Камелии. Взгляд парня застывает на ней и в его карих глазах читается обеспокоенность и что-то такое, отчего мне становится не по себе. Но я не тороплюсь объяснять, что это за девочка.

– Вы ешьте суп, а я сейчас вернусь, – говорит парень и встает. Потом вдруг останавливается и, глядя на меня, добавляет: – Никуда не уходите, хорошо?

Я послушно киваю. Моё настроение сразу улучшилось, поэтому с аппетитом доедаю суп, искренне надеясь, что этот разговор ни в коем случае не навредит. Я могу выговориться этому человеку, что приведет моё состояние хоть к какому-то равновесию. А если он поможет в прямом смысле этого слова? Не зря же он попросил меня оставаться на месте.

Июль 2017 год

– Ты не будешь работать.

– Это почему еще? – смеясь, спросила я у Ремзи.

– Потому что в нашей семье женщины не работают.

– Ага! А что же они тогда делают?

– Смотрят за домом, любят мужа и растят детей.

Я вновь расхохоталась, наивно полагая, что он шутит.

– Перспектива не самая лучшая, – пробурчала в ответ.

– Давай я буду исключением? К списку добавим еще один пункт – помогать мужу финансово.

Ремзи лишь улыбнулся и поцеловал меня, затем крепко прижал к своей груди. Я так любила его запах. Готова была зарыться носом в шею Ремзи и так спать. Иногда мне это даже удавалось.

– Кстати, о финансах. На что ты решила потратить деньги, вырученные от продажи дома твоей бабушки?

– Мы же решили, что купим дом в Алании.

– Да, но мы толком не договорились.

Заподозрив колебания Ремзи, я села и нахмурилась.

– У тебя есть какое-то предложение?

– Да... Но, ашкым* (любовь моя), я всего лишь предложу, а решать будешь ты сама. Хорошо?

– Говори уже.

– Я просто подумал... мы можем снять квартиру в Ала-ниш. Аренда в районе Конаклы совсем недорогая. А на твои деньги купим две машины – тебе и мне. В любом случае, мы всегда их сможем продать и вложиться в квартиру.

– Считаешь это разумным?

Ремзи присел передо мной на корточки, нежно поглаживая мои бедра, а взгляд его честных голубых глаз проникал глубоко в душу. Вот как отказать этому человеку?..

Настоящее время

Парень заставил ждать меня совсем недолго. Он возвращается как раз тогда, когда официант приносит мне чай, а рядом ставит тарелку с печеньем.

– Но я не заказывала...

– За счет заведения, – улыбчиво перебивает меня мальчик. На его бейдже читаю имя – Аслан.

Что ж, остается поблагодарить. Я люблю турецкие курабье. Однако не успеваю взять в руки хотя бы одно, как передо мной появляется уже знакомый парень с бородой.

– Как тебя зовут?

– Хлоя.

– А я – Джан. Послушай, Хлоя, скоро откроется сезон, и повалят туристы со всех сторон. Нам нужны люди и... – Он выдержал паузу, затем продолжил: – Если тебе нужна работа,

то я рад буду помочь.

– Это твое кафе?

– Нет, но я тут главный и вопросы по персоналу тоже на мне. Только что позвонил хозяину и рассказал об отличном работнике. Хасан-бей дал добро.

Я иронично усмехаюсь, ничего не могу с собой поделаться.

– Черт, это неожиданно! Но... я в жизни не работала официанткой. Хотя нет... я пробовала... в России. Но не выдержала и месяца, увы.

Джан остается серьезным. Положив руки на стол, он соединяет пальцы и прямо смотрит на меня, отчего я безвольно роняю плечи.

– Тебе нужна работа, не так ли? А мне нужны люди. Не переживай, до начала сезона мы обучим тебя всему, что необходимо знать. – Он отводит взгляд в сторону, встречая новых посетителей, по всей видимости, знакомых, так как Джан улыбается им и машет рукой, как бы говоря: «Сейчас подойду». Затем вновь обращается к моей скромной персоне: – Прости за бестактный вопрос, но, сколько тебе лет?

– Все нормально. Мне двадцать девять.

– Я так полагаю, ты знаешь русский язык?

– Да, – подтверждаю. – Еще английский и немного немецкий.

– Так ты наша находка!

Джан улыбается, а я поджимаю губы. Мне не до веселья, даже если и рвется наружу, всё равно не стану этого делать.

Не в том положении, чтобы блистать улыбками.

– Спасибо большое... Еще бы решить вопрос с жильем.

– Решим, – уверенно говорит Джан, затем встаёт и вновь обещает вернуться. Ему необходимо поприветствовать своих знакомых гостей.

А я за это время изучаю помещение, в котором буду работать хотя бы для того, чтобы выжить. Мои резюме разосланы, я все равно буду ждать предложений.

– Значит так, – ко мне возвращается Джан, – на работу можешь выходить уже завтра. Деньги будешь получать в конце каждого дня, идёт?

Я лишь киваю, ошарашенная от внезапного потока слов.

– Скажи, а тебя устроит комната?

– Меня сейчас устроит любое жилье.

– Отлично! Тогда я отвезу тебя к моей тёте. Если все понравится, значит, заселишься уже сегодня.

«Он шутит? – думаю я. – Перспектива ночевать на кровати намного лучше, чем в машине, пусть это будет не отель с номером люкс, а захудалая комнатёнка. Это крыша, в конце концов».

– Фатма-тейзе живет со своим мужем на первом этаже, – рассказывает Джан по дороге к ее дому. – А на втором раньше жила их дочь, но она вышла замуж и переехала в Стамбул. Поэтому комната пустует. Я уже позвонил тейзе, и она с превеликим удовольствием примет тебя.

Не нахожу слов, чтобы ответить этому человеку. За ка-

ких-то полчаса он решил две мои проблемы разом. И неужели не попросит что-нибудь взамен? Турки любят помогать людям, это бесспорно. Однако я потеряла доверие даже к этой нации. А сейчас ведома собственной интуицией, которая велит мне заткнуться и довериться Джану.

Июль 2017

Феруза на правах младшей и единственной сестренки Ремзи поехала со мной в салон делать прическу. Я так и не смогла объяснить, что хочу, поэтому ткнула в журнале на понравившуюся прическу, но впоследствии оказалась ею недовольна. Хотя Феруза крутилась вокруг меня и восхищалась:

– Чок гюзель! (Очень красивая)*

Эти слова так въелись в память, что на протяжении следующего месяца, я почти всем и на всё отвечала «чок гюзель».

Мы готовились к «ночи хны», а сама свадьба и никях (регистрация брака) должны были состояться на следующий день. Ремзи выбрал самые удобные дни – пятницу и субботу. Я ничего не знала о турецких свадьбах, да и на русских-то гуляла только однажды: на свадьбе моего брата Влада. И никто, даже сам мой будущий супруг, не соизволил рассказать, что меня ждет. По этой причине я сильно нервничала.*

К приготовлениям меня не допускали. Я лишь ездила на примерку платьев, а большие ни о чем меня не спрашивали. Сказали: «Гелин (невеста) должна быть скромной и не высовываться до свадьбы». Мне это было только на руку. Я и без того чувствовала себя не в своей тарелке, а Ремзи почти никогда рядом не было.*

В тот день на мне было потрясающее платье – ярко-красное с огромным шлейфом, который был украшен аппликациями из цветов. Жаль, что мне испортили прическу, и волосы получились немного прилизанными, ну, хоть бы пару светлых локонов оставили! Ремзи не понравился макияж. «Мне кажется, они перестарались», – сказал он, пока мы ехали в фотосалон. Естественно, у меня испортилось настроение.

Но ближе к церемонии я нашла в себе силы улыбаться. Под воздействием музыки и немного таинственной атмосферы, не удержалась от слез. И не смогла объяснить: то ли это от впечатлений и старых традиций, о которых мне рассказывали, то ли от того, что наконец-то моя мечта сбылась, и Ремзи теперь мой муж.

Во время праздника мое лицо скрывала красная вуаль, украшенная блестками и бисером. В таком виде я и появилась перед собравшимися гостями. Молодые девушки со свечами в руках двигались по кругу, обходя гостей. В этот момент моя будущая свекровь стала одной из действующих лиц, так как именно эта женщина раскрывала в качестве

подарка рулон красной ткани, а гости в это время осыпали меня монетами – как символ плодородия и процветания. Мне с трудом объяснили, что подойдя ближе, я должна поцеловать руку свекрови и приложить ко лбу. Очень хорошо, что никто не смеялся над моей заторможенностью.

Во время обряда свекровь попросила меня раскрыть ладонь, но Ремзи предупредил, что я могу это сделать только после того, как она или кто-то из родственников положат золотые монеты или наденут золотые браслеты. Тут же на подносе в зал внесли сухую хну с зажжёнными свечами, и все это сопровождалось турецкой музыкой. Позже я узнала, что это символизирует зажжённое сердце, в котором как огонь загоралась любовь к будущему мужу.

После обряда Ремзи снял с моего лица вуаль и пригласил на танец жениха и невесты.

– Вот мы и вместе – муж и жена, – с улыбкой сказал он, и я широко улыбнулась, сияя счастьем. В этот миг, когда я смотрела в любимые глаза супруга, я забыла обо всех недо-разумениях, случившихся утром.

– Поверить не могу! – задыхаясь, ответила я. – Жаль, что на ваших свадьбах целоваться нельзя.

– К сожалению, это айып, то есть «неприлично».

– Айып, – повторила я, затем с намеком бросила: – Ничего, после церемонии мы забудем обо всех приличиях.

– М-м-м... Не своди меня с ума, ашкым.

После танца нас посадили в центр зала, откуда мы на-

блюдали, как под звуки фольклорной музыки гости пританцовывали народный танец халай, всем разносили угощения и чай, а я пряталась от чрезмерных взглядов детей. После такой ночи сил совсем не осталось, а утром все началось по новой...

Настоящее время

Комната, в которую меня поселил мой новый знакомый и начальник Джан, отличается своей простотой. Она очень маленькая, поэтому там вмещается только кровать и небольшой старый комод. Пол застелен турецкими коврами, а если их убрать, то придется ходить по голому бетону, что не очень хорошо для женского здоровья. Моя бабушка всегда учила меня держать ноги в тепле и не ходить по холодному полу, чтобы было легче рожать. Так что ковры здесь – не украшение, а всего-навсего мера. Стены кажутся сырыми и холодными. Крохотное окошко закрывает бледно-желтая ткань, которая должна называться шторкой.

На тумбочке в углу вижу электрический чайник с заварником, а на полу стоит туристический газовый пропановый баллон, на котором можно что-то приготовить. Эта Фатма-тейзе позаботилась даже о кое-какой посуде.

Скрипучая кровать застелена чистым бельем, в чем мне повезло, ведь все мои вещи в машине, а она припаркована

на набережной.

Фатму-тейзе и ее мужа я почти не буду видеть, а всё потому, что вход в мою комнату находится снаружи. Чтобы попасть домой, я должна пройти мимо двери Фатмы-тейзе, обойти дом и подняться по деревянной лестнице наверх. Меня это устраивает. Не хочу заводить никаких близких знакомств, присутствовать на байрамах* (праздниках) и прочее.

Когда Джан уехал, я устроилась на кровати и долго разглядывала наши с Ремзи фотографии со свадьбы. Просто пыталась понять, в какой момент он начал всё это планировать.

Не найдя ответов, отбрасываю телефон в сторону, выключаю свет и устраиваю голову на подушке, пусть даже она жесткая, как камень. Завтра мой первый день на работе, поэтому необходимо как следует отдохнуть.

Первый шаг сделан.

ГЛАВА 5

Март 2020 год

Итак, у меня есть крыша над головой и работа. Это не то, что поможет мне вернуть мою дочку, но назову это «началом пути». Мне необходимо набраться терпения, так как весь процесс займет много времени.

Я составила в уме кое-какой план, пока шла в кафе:

1. Продолжаю искать работу – высокооплачиваемую, меня не устроят гроши. Без денег я – пустое место в Турции.

2. Затем найму лучшего адвоката. Бракоразводный процесс – дело самое сложное. Имущества у нас практически нет, а машиной пусть подавится. Важнее дочери для меня ничего быть не может. Ремзи не отдаст мне ее без борьбы.

3. Необходимо купить квартиру. Аренда не пойдет. Я должна быть уверена, что суд меня ни в чем не упрекнет.

4. Самый главный пункт из всего списка – не нагнетать обстановку, то есть не скандалить. Эти люди способны обвинить меня в неадекватности. Что им стоит? Не пытаться их подкупить. Они возьмут деньги, но ребенка не отдадут. Прожив в этом обществе не один год, многие вещи для меня стали очевидными. Одно дело, когда улыбаешься им и делаешь все, что они пожелают. Другое – стать врагом. Отсюда следует, что нельзя вестись на провокации.

5. Последнее, что закрепила в своей голове, – я буду ис-

кать встреч с Камелией, и все попытки будут запечатлены на камеру или диктофон. Сделать жертвенный вид, но ни в коем случае не воинственный, тогда мой план сработает. И суд встанет на мою сторону.

Движение к цели делает меня сильнее. И этим утром я настраиваю себя только на лучшее, поэтому настроение на позитиве. В голове лишь мысль о том, что я не сижу сложа руки, я полна энергии, и во мне кипит жажда мести. Как только верну себе дочь, выясню, за что Ремзи так поступил со мной, тогда и решу, как быть дальше. Верю, что всемогущий Аллах на моей стороне, с его помощью я все стерплю.

Никогда не перестану думать о себе как о сильном человеке. Мне не привыкать терять близких людей – родителей, когда была совсем крохой, потом бабушку. Эти трагедии могли бы подорвать мои силы, особенно в момент, когда Влад женился и уехал, оставив меня справляться самой. И я не держу на него зла, потому что поступила бы на его месте точно так же. В конце концов, и я нашла своё счастье... так я думала.

Август 2017 год

Моя свекровь любила делать домашний хлеб, как она сама его называла, хотя по сути это просто огромные тонкие лепешки, похожие на лаваш. Она их высушивала, а потом подавала на обед или ужин, предварительно сбрызнув

водой, чтобы размягчить. С помощью такого хлеба можно легко следить за фигурой, ведь от него нельзя потолстеть. И, тем не менее, я предпочитала магазинный, но не производила это вслух. Позже Ремзи аккуратно сказал маме, что невестка любит белый хлеб.

В тот день, когда в гости пришла Хатидже, чтобы поболтать, я как раз помогала свекрови выпекать эти самые лепешки – сидела у специальной печи и переворачивала их длинной деревянной лопаткой.

Мой турецкий был уже не такой безнадежный, я отлично понимала людей и могла кое-что ответить.

– Готова ехать в Аланию? – спросила Хатидже, взяв откуда-то стул и разместившись на нем.

Я постаралась ничем не выдать удивление, хотя мне было любопытно: действительно ли Ремзи что-то такое упоминал или она решила меня подразнить? Все знали, что я не хочу жить с родителями мужа и мечтала о собственном доме в Алании. Ремзи только обещал, но конкретно ничего не говорил.

– Когда Ремзи найдет квартиру, тогда и буду готова, – ответила будничным тоном.

– Так он нашел... Верно же, Эмине-ханым?

Женищина кивнула, недовольно что-то пробурчав под нос. А Хатидже улыбнулась.

– Ваш дом будет недалеко от нашего. Здорово, правда?

– Да, наверное, – ответила я, а губы слабо дрогнули в

улыбке.

Вечером того же дня я спросила об этом у Ремзи:

– Хатидже сказала, что ты нашел квартиру в Алании.

Ремзи притянул меня за талию к себе и начал целовать, приговаривая между поцелуями:

– Хотел сделать сюрприз, но мне все испортили.

Я расхохоталась.

– Значит, это правда?

– Да, ашкым, – сладко протянул он.

– Я люблю тебя!

И Ремзи закружил меня по комнате.

Настоящее время

Чем ближе подхожу к кафе, тем сильнее нарастает волнение, и будто волной накрывает возбуждение. Это мой первый день, и я должна сейчас думать о Камелии, чтобы всё прошло так, как надо. С этими мыслями открываю дверь.

Посетителей нет. У барной стойки стоит знакомый парнишка. Вчера нам довелось увидеться.

– Привет, – говорю я, любезно улыбаясь. – Я на работу пришла.

– Хлоя?

Киваю. Похоже, что здесь все уже в курсе о том, кто я такая.

– Посиди немного. Джан еще не приехал.

– Хочешь, я помогу? – спрашиваю на всякий случай, видя, что парень протирает бокалы.

– Нет-нет. Я сам справлюсь, а ты садись. Чай будешь?

– Если можно, – смущенно соглашаюсь. Люблю горячий чай с утра – это как глоток свежего воздуха! Через мгновение парень по имени Аслан приносит мне чай и симит* (круглый бублик с кунжутом). Так я сижу до самого обеда, ничего не делая.

Несколько раз спросила Аслана, нужно ли что-нибудь сделать, но ответ всегда один: «Дождись Джана». И, в конце концов, дождалась. Сегодня на нем приятного синего цвета футболка, потертые джинсы, белоснежные кроссовки и телефон традиционно в руке. Почему традиционно? Да все турки не выпускают мобильники из рук. Если кто-то позвонит, то все вокруг станут вдруг неважными, а дела будут стоять до китайской пасхи, потому что им надо поговорить. Мы с мужем часто ругались на эту тему, и со временем Ремзи стал более уважительно относиться ко мне, а также к людям вокруг, меньше разговаривая по телефону.

Вот, что еще мне бросилось в глаза, когда вошел мой начальник – цепи и подвески на шее. Их там как минимум шесть. И запястья все в браслетах.

Увидев меня, он улыбается и подходит ближе. В нос ударяет потрясающий запах его одеколона с нотками цитруса, мускатного ореха и чего-то еще, присущего только красивым

мужчинам. А Джана можно отнести к таковым из-за нетипичной внешности и фигуры. Тонкая ткань футболки подчеркивает широкие сильные плечи и грудь. Сразу видно, что человек любит проводить много времени в спортзале.

Да и что это со мной? О чем я вообще думаю?

– Как дела? – слышу добрый голос начальника, а потом обнаруживаю, что у меня открыт рот. Неудобно-то как!

– Э... Пока дела никак не идут. Все утро прошу Аслана найти мне занятие, но он упрямо твердил дожидаться вас.

Джан негромко смеется, показывая ровные белые зубы.

– Это я сказал. Потому что сейчас мы все вместе будем убирать территорию на пляже. Дел много, а до начала сезона нужно все успеть.

Работы я не боюсь, поэтому с готовностью беру тряпки, швабры, щетки и иду мыть столы и стулья. Замечаю, что и Джан не сидит, а помогает ребятам, пока Аслан обслуживает случайных посетителей.

К вечеру мы валимся с ног. Джан предлагает поужинать прямо на улице, за чистым столом. И мы устраиваем турецкий пир, главным блюдом которого, конечно же, становится Искендер-кебаб* (одно из самых известных блюд северо-западной Турции). За столом непринужденное общение, каждый подшучивает друг над другом, заодно рассказывает о себе. Я только ем и хлопаю глазами, пытаюсь запомнить всю информацию.

Когда официанты расходятся по рабочим местам, я отки-

дываюсь на спинку стула и люблю морским закатом. Это поистине завораживающее зрелище! А потом говорю:

– Веселая у вас компания.

– У нас замечательный коллектив, Хлоя. Уверен, ты тоже станешь его частью.

На секунду наши глаза встречаются, и я тут же зарделась, быстро пряча взгляд. Только теперь замечаю мигающий сиреневый свет на своем телефоне, оповещающий о чьём-то звонке. Первая мысль, что Ремзи наконец-то соизволил напомнить о себе, но меня тут же настигает разочарование. Звонила Света.

– Все в порядке? – видя мое беспокойство, спрашивает Джан.

– Да, – уверяю его. – Просто... ожидала звонка совсем от другого человека.

– Ну, – вздыхает парень и берет в руки ключи, тем самым давая знать, что уходит. – Может быть, еще позвонит.

И только когда остаюсь одна за столом, понимаю, что ляпнула.

Октябрь 2017

– Как думаешь, почему ты еще до сих пор не беременна?

Мы с Ремзи, обнявшись, лежали в постели и долго молчали, прежде чем он задал мне этот вопрос. Я вздохнула.

После свадьбы эта проблема стала одной из главных.

– Не знаю, ашкым.

– Может, еще раз к доктору сходить?

– Мы же ходили! – занервничала я и села. Ремзи перевернулся на спину и заложил руки за голову, затем уставился в потолок. У него уже мания какая-то говорить о ребенке. – Я честно пью все витамины, которые прописал врач, – более ровным тоном сказала я. – Наберись терпения, ашкым. Давай поживем для себя?

– Мы и так живем для себя уже сколько месяцев. У нас женщины почти сразу беременеют после свадьбы, а ты...

– А я – не ваши женщины!

Повисла тишина, шло время. Ремзи успокаивался, обдумывая брошенную мной фразу. Он выбрал русскую жену и должен мириться с некоторыми вещами. Я ведь не виновата, что зачатие – не такое простое дело. В конечном итоге он извинился и заключил меня в объятия.

– Хочу полноценную семью, – слезно проговорил он. – Сплю и вижу дочку, похожую на тебя, или сына, похожего на меня. Я первый женился из братьев и на мне огромная ответственность.

– Не слушай никого вокруг, ашкым. – Я взяла его лицо в свои руки, заставляя посмотреть мне в глаза. – У тебя есть я, а ты есть у меня. И дети у нас будут. Видимо, Аллах оттягивает время для чего-то. Все будет, вот увидишь.

– Иншаллах!* (молитвенное восклицание «Дай Бог!») –

тихо произнес он, а затем мы поцеловались.

Меня мучали сомнения, тревоги и переживания, которые тщательно скрывала от мужа. Я не меньше его хотела ребенка, но что бы мы ни делали, ничего не получалось. Хатидже советовала перед сексом принимать горячий душ, чтобы яичники заработали. Смешно! Но я делала! И ноги на стенку забрасывала после того самого. И даже отвар петрушки пила по совету свекрови. Ничего не помогало. А доктор говорил, что я здорова.

Однажды закралась мысль, что проблема в Ремзи, но как я могла сказать ему об этом?

В один из прекрасных дней во время завтрака рискнула заговорить на эту тему.

– Ремзи, – промурлыкала с улыбкой, – у меня появилась идея.

– Что за идея?

– Я читала, что в Стамбуле есть хорошая клиника по планированию семьи. Там муж и жена проходят тщательное обследование, затем им советуют, что нужно сделать для зачатия.

Он довольно долго изучал меня взглядом. Затем стал доедать омлет, что-то думая сам себе. А я так и осталась без ответа. Он понял, что я имела в виду, но решил не устраивать сцен. Такой он у меня – многие мысли оставлял при себе. А с этим жить было не так-то просто...

Настоящее время

Дома созваниваюсь со Светой по видеозвонку. У нее на заднем плане дети кричат. Комната вся в игрушках, а на диване вижу плед и подушку. Глаза у подруги больные, из чего делаю вывод, что она простудилась.

– Заболела? – уныло спрашиваю ее.

Света отвечает через нос.

– Представляешь, старший заразу притащил. Меня этот сад с ума сведет. Я заболела, потом еще и младший для полного счастья подхватит.

– Какой кошмар! Держись там, Светусь. Лекарства принимаете?

– Да, обычный набор. Вчера себе нурофен купила.

– О, нурофен от простуды хорошо помогает, – без тени сомнения нахваливаю лекарство. Мы говорим так, словно все как обычно, отчего мне на миг становится больно.

– Ты лучше расскажи, как устроилась, – беспокоится подруга.

– Нашла работу. Пока официанткой в кафе, но это хоть какой-то заработок.

Света закусывает нижнюю губу и смотрит куда-то в сторону. Затем на секунду отвлекается на старшего ребенка, так как он что-то натворил. Вернувшись, она разглядывает меня

на экране.

За моей спиной серая стена, да и комната темная – ничего не разглядеть.

– Считаешь, что у тебя получится? Работая официанткой, много денег не заработать, Хлоя. А планы у тебя ого-го!

– Думаешь, я перестану искать хорошую работу?

– В каком ты городе? – Света становится серьезной. Мы договаривались, что ради моей безопасности, она этого знать не будет, но видимо все изменилось. – Я тут подумала, что должна быть в курсе. На случай, если нужна будет помощь... ну, не знаю. Ты же понимаешь, что совсем одна?

– Я в Анталии, – признаюсь без уговоров. – Но больше ничего тебе не скажу.

– А с братом говорила?

– Он верит, что я ложусь на операцию. Только прошу, не уговаривай меня сказать ему правду.

– Почему?

– Потому что он решит приехать разобраться с Ремзи и все испортит. Не хочу рисковать, Свет!

Ее дети кричат все громче и начинают лезть к телефону, закрывая подругу своими головами. Я отворачиваюсь, потому что тяжело смотреть на детей. Тогда подруга уходит на кухню, закрывает дверь, чтобы мы продолжили разговор в более спокойной обстановке.

– Ладно, Хлоя, я ведь не просто так тебе позвонила.

Сердце забилося чаще от волнения.

– Что случилось? Ремзи вернулся, да? С моей дочкой?

– Нет, Хлоя. Мой муж разговаривал с ним.

– Правда? И... что... что он ему сказал?

– Мне пришлось вилами вытягивать информацию из Хусейна. Знаешь же, как с ними непросто. Молчуны! В общем, Ремзи расспрашивал насчёт тебя. Я так полагаю, хозяин квартиры позвонил и потребовал платы за квартиру. Но это только мои догадки. Хусейн это не подтвердил.

– И что же твой муж сказал ему про меня?

– Ремзи расспрашивал, где ты, куда уехала и что говорила мне. Хусейн ответил, что не видел тебя, и я, его жена, не упоминала ничего про тебя. В принципе, он сказал правду. Единственное, он сделал предположение, сказав, что ты, возможно, вернулась в Россию. Представляешь? Я его за это расцеловать была готова!

– А Ремзи где?

– В Османели, но подумывает вернуться в Аланию вместе с матерью и Ферузой.

Ферузой? Лучшей новости я не ожидала! Вот и найдено решение головоломке, которую я сама для себя сочинила. Сестра Ремзи поможет мне устроить встречи с моим ребенком. Ну, конечно же!

ГЛАВА 6

Апрель 2020 год

Уже неделю как стартовал курортный сезон, и туристы постепенно прибывали в Турцию насладиться отдыхом. Ресторан, где я работаю уже месяц, находится на самом берегу средиземного моря. В него можно зайти и с пляжа, и с «улицы». Я очень люблю находиться именно со стороны пляжа, а когда посетителей нет, могу позволить себе помочить ноги в прохладной соленой воде и вкусить блаженство от песочного массажа. Джан разрешает работать в удобных шлепанцах, так что мои ноги никогда не устают.

С Асланом мы уже почти лучшие друзья: иногда хохочем, что аж животы болят, а иногда деремся не по-детски. Однажды я со злости вылила ему на голову айран, после чего получила серьезный выговор от Джана, но долго он на меня не злился, так как Аслан потом сам признался, что это его вина, и он просто вынудил меня сделать это.

– Надеюсь, что ты не повторишь такой фокус с каким-нибудь наглым туристом, – с усмешкой заявил как-то Джан. Я поняла, что это прямой намек на дальнейшее увольнение, поэтому старалась игнорировать наглецов.

В целом, всё идёт куда лучше, чем я себе это представляла. По выходным обязательно хожу на собеседования, пишу резюме и ищу хорошее место. Пусть не сразу, но я должна

найти такую работу, которая пообещает мне карьерный рост. Джан знает, что однажды я покину их ресторан, и мне даже кажется, что эта перспектива его расстраивает. Хотя не исключено, что мне это только кажется.

Слышала, что Ремзи вернулся в Аланию и устроился в каком-то отеле. Муж Светы говорит, что моей Камелии с ним нет. Она до сих пор в Османели с его матерью. Но я терпеливая. Рано или поздно он привезет их к себе, вот тогда и начну действовать...

Очередной рабочий день подходит к концу. Я передаю смену другой девушке, которую недавно принял Джан, чтобы мы могли составить график. Она тоже русская и зовут ее Вика. Но я ее толком не знаю, так как мы перебрасываемся парой фраз и расходимся. Вот и сейчас она махнула мне рукой и скрылась в подсобке, а я продолжаю вытирать столы на улице.

– Хлоя, принеси мне чай, – слышу голос Джана. Он только что приехал и тут же сел за стол, продолжая говорить по телефону. Мне всегда не по себе, когда он нервный и неприветливый. Почему-то начинаю искать причины в себе, хотя понимаю, что у него такая работа.

– Твой чай, – громко сообщаю я, чтобы он немного отвлекся от телефона. Ставлю турецкую чашку перед ним и улыбаюсь. – Что-то случилось?

– Нет, – вежливо отвечает он. – Устал просто.

– Надо развеяться, прогуляться. Смотри, какой прекрас-

ный вечер! Тепло и свежо. Уже в июне мы начнем жаловаться на сумасшедшую жару! – непринужденно восклицаю куда-то в сторону. По-моему, я старательно прячу от него взгляд.

Джан сухо усмехается. Из-под бровей на меня смотрят карие глаза, в которых затаилась грусть и ласка.

– Составишь компанию?

На такой неуместный вопрос у меня пропадает дар речи.

– В смысле? Куда?

– У меня есть скутер, можем прокатиться с ветерком. Покажу тебе самые красивые уголки Анталии.

От слова «скутер» у меня затряслись коленки. Я до чертиков боюсь двухколесного транспорта! Но почему отказать не могу? Почему не скажу: «Нет, извини, Джан, но мне нужно домой»? Потому что любой мой ответ будет звучать глупо, ведь он как никто другой знает, что мне абсолютно нечего делать в маленькой душной комнатке.

И вот я сажусь позади него на скутер, нерешительно обхватываю широкую талию руками, чувствуя, как под ладонями напрягся его живот, затем придвигаюсь вперед и крепко прижимаюсь к спине. Мне страшно, поэтому, как только Джан заводит мотор, сильно зажмуриваю глаза. И он замечает это в зеркале.

– Не бойся. Ты не упадешь.

– Ну, если ты обещаешь...

Скутер дергается с места, а у меня перехватывает дыха-

ние. Джан аккуратно выводит «мотор» с автостоянки и медленно двигается по узкой улице, затем постепенно начинает набирать скорость, поэтому мои пальцы впиваются намертво в ткань его рубашки.

Джан останавливается на красный свет и слегка поворачивает ко мне голову.

– Сохрани, пожалуйста, рубашку в целости до тех пор, пока мы не приедем на место! – кричит он, перекрикивая громкий рев двигателя.

– Что?

– Ты так вцепилась в нее, что вот-вот полетят пуговицы!

И тут я понимаю, что делаю.

– Прости, пожалуйста!

Остается несколько секунд, но Джан успевает взять мои руки и уложить одну поверх другой.

– Сцепи руки на запястьях! И ничего не бойся! Я еду не быстро!

Этих слов хватает, чтобы хоть немного успокоить меня.

Мы едем еще какое-то время, прежде чем Джан останавливается около какого-то живописного места. Спрыгнув со скутера, чувствую, как дрожат ноги, но это уже не так важно, потому что вид открывается невероятно красивый.

– И куда ты меня привез? – спрашиваю Джана, подходя к защитному заборчику. Передо мной вид на синее, бескрайнее море и каскад водопадов. Нет, я много раз бывала в местах наблюдения живописных панорам, но такого мне видеть

еще не приходилось.

– Старое карстовое русло верхнего водопада оформлено в виде пещер, – пристраиваясь рядом со мной, говорит Джан. Мы оба смотрим на чудесное зрелище. – В определенное время дня солнце и водная взвесь нижнего водопада образуют красивую радугу. Как-нибудь привезу тебя сюда утром.

– Только на машине, пожалуйста.

– Почему ты не сказала, что боишься скутеров?

– Не знаю. Я думала, что справлюсь со страхом.

– Ты едва не разорвала на мне одежду, – смеется Джан. У него получается это так заразительно, что и я начинаю смущенно улыбаться.

– Теперь ты мне этого никогда не забудешь?

– Прикосновение твоих рук я никогда не забуду, – серьезно говорит он, и я резко поворачиваю голову, не ожидая, что наши лица будут слишком близко. Наши глаза встретились. Мое тело пронзил гулкий, жаркий ток.

Джан очень нежно убирает прядь моих волос за ухо, открывая тем самым большую часть лица и тихо шепчет:

– Никогда не встречал такой красивой девушки.

В этот момент всё словно перевернулось с ног на голову. Знаю, что Джан ждет какой-то реакции от меня. Но что я могу ему дать? Он симпатичный, сексуальный и очень ласковый. Но для меня поиски любви навсегда закончены. После Ремзи я намертво заколотила вход в свое сердце. Не хочу. Больше не хочу...

2016 год

В полумраке тихого гостиничного номера таинственно мерцало зеркало. Кто вообще придумал поставить шкаф с зеркальной дверцей прямо перед кроватью напротив окна? Выглядело жутко. Я не спала. Возможно, причиной стал громко работающий кондиционер, а может и мысли, которые то и дело сбивали меня с толку.

Я отдалась Ремзи, и что дальше? Он наговорил мне красивых слов, наобещал «золотые горы», заставив меня во всё это беспрекословно поверить. А дальше неизбежный рейс на самолет и на этом всё закончится?

Я развернулась так, чтобы видеть его спящее лицо, освещенное слабым светом уличного фонаря. У Ремзи самые красивые черты лица и ресницы длинные-длинные. Приложив руку к груди, чувствовала его равномерное дыхание, и даже удары сердца. Мне это нравилось. Рядом с этим парнем я забывала о реальности. Круговорот страстей уносил меня все глубже в пучину, из которой не выбраться.

Аккуратно примостившись рядом, прижалась, словно котенок к горячему телу и закрыла глаза. Разум вернулся к разговору, что произошел незадолго до того, как мы оказались в постели.

– Никогда не встречал такой девушки как ты, – шептал

мне на ухо Ремзи, щекоча мою нежную кожу колючей щетиной. Я хохотала, не желая слушать. Мне было достаточно, что он рядом, но, вопреки моим стараниям избежать сладостных слов, он продолжал: – Ты как фея из сказки: очаровала меня, околдовала. Аллах прислал мне тебя... и я верю, что это судьба.

– Хочешь сказать, если мы разведемся и не станем искать друг друга, судьба нас всё равно столкнет? Но не судьба ли жестока и несправедлива? Не она ли разводит тех, кто должен быть вместе?

– Ты права. Судьбе верить нельзя, но в данном случае она благоволит нам. Ты здесь со мной, и я до умопомрачения люблю и... хочу тебя.

Он не дал мне ответить, жадно впившись в мои губы. А я не могла сопротивляться, обмякла в его сильных руках, разум постепенно затуманился, и не могла ни о чем думать, кроме как о поцелуях и ласках любимого человека. В ту ночь я просто сошла с ума.

Настоящее время

– Если интересно, то ты первая, кому я говорю такие слова.

Вырвавшись из воспоминаний, я обнаружила, что мои глаза прикованы к водопаду. Я отвернулась от него и сама

не заметила как. Ему явно неловко, а я не знаю как повести себя в сложившейся ситуации. Вот и молчу.

– Увидев тебя в первый день, в ресторане, печальную, потерянную и безумно красивую, я... понял, что не смогу выпустить тебя, не узнав хотя бы имя. Видишь, как сложилось?

– Только не начинай сказки про судьбу, ладно? – Это звучит очень грубо. Прикрываю рот рукой, ругая себя, на чем свет стоит. Джан не Ремзи, а я их сравниваю. – Прости...

– Ты не голодна? – Кажется, он совсем не обижен. – Может, поедем в какое-нибудь красивое место и поужинаем?

– Лучше отвези меня домой. Я устала.

Он отходит от перил, но продолжает смотреть на меня, спиной чувствую.

– Разреши утром заехать за тобой?

Как он все чудесно продумал! Моя машина осталась на территории ресторана. Чтобы дойти пешком до работы мне потребуется раньше подняться, а я люблю поспать. Остается один вариант... Мои глаза смотрят в сторону скутера. Джан усмехается.

– Я заеду на машине, не волнуйся. Но в следующий раз говори, если чего-то боишься, окей?

«А этот следующий раз будет?» – хотелось спросить. Однако я лишь киваю и иду к месту, где припаркован скутер.

На этот раз я смелее преодолеваю расстояние до дома, стараюсь не так сильно прижиматься к могучей спине. Мне нельзя забывать, что Джан – мужчина, а мужчины для меня

отныне – это зло. Они опасны, им нельзя доверять, на них нельзя полагаться, а главное – любить! Если Джан посмеет влюбиться в меня, то его ждет разочарование. И обидно от собственных мыслей, но это так.

Не успеваем подъехать к дому, как на встречу выбегает Фатма-ханым с радостными возгласами:

– Джан, мальчик мой! Как же редко ты к нам приезжаешь! Давай, – она хватает его чуть выше локтя, заставляя выбраться из скутера, – ужин готов. Я куру фасулье* (суп из белой фасоли) приготовила. Когда ты ел настоящую домашнюю еду? Знаю, у тебя ресторан, но это всё равно не то.

– Тейседжим* (ласковое: тетушка), благослови тебя Аллаха! Но...

Тут я толкаю его в бок.

– Кажется, ты хотел поесть в каком-нибудь красивом месте?

– Хлоя, джаным, и ты присоединяйся! Вон как исхудала! – распыляется женщина.

Джан усмехается, подмигивает, затем подталкивает меня вперед и говорит:

– Отлично, тейзе, мы принимаем приглашение!

Ошарашенная, я готова испепелить его взглядом, однако случая не представилось.

Фатма-ханым увлекает меня за собой. Мы впервые за целый месяц оказываемся вместе на одной кухне. Она и раньше звала меня кушать, но получив отказ, не делала больше

попыток. Однако нередко приносила тарелку с чем-то вкусным. И больше всего я любила лахмаджун* (турецкая пицца). Такое внимание меня выручает, ведь я стараюсь на всём экономить.

Пока я помогаю хозяйке накрывать на стол, Джан о чем-то разговаривает с ее мужем. Обычная семейная обстановка, которая заставляет мое сердце сжаться. Опять воспоминания уносят меня из реальности далеко в прошлое, когда Камелия была еще в планах...

Ноябрь, 2017

Почти каждый выходной мы старались куда-нибудь выбираться, а не сидеть дома. Любимым местом, конечно же, стала терраса для пикника, где мы с Ремзи, его дядей Эсатом, Гюльсум, Хатидже, некоторыми друзьями моего мужа, а иногда с коллегами по работе устраивали шашлыки на свежем воздухе.

Я обожала такие вылазки! Мы с Хатидже любили фотографироваться на фоне моря с блестящим, переливающимся следом от яркого солнца. Мужчины разжигали мангал, на котором жарили вкусное мясо или цыплячьи ножки и крылышки в соусе. Гюльсум-йенге нарезала салат, а мы с Хатидже ей помогали. Я отдыхала душой и телом. Тогда у меня появилось чувство, что вот она – моя семья.

– На следующей неделе папа хочет свозить нас на завтрак. Хотите с нами? – как-то в один из таких дней спросила Хатидже.

– Завтрак?

– Ну, да! В Аланье на самой вершине крепости есть специальные ресторанчики, где подают потрясающий завтрак. Представь себе омлет, сигара-бёрек, сыры разного вида, жареные колбаски, оливки, арбуз...

– Всё! Всё! – засмеялась я. – У меня уже полный рот слюней. Очень хочу поехать туда.

Мы обе посмотрели в сторону мангала. Ремзи ловко управлялся со специальной решеткой, он был весел и энергичен, впрочем, как всегда.

– Видно, как ты его любишь, – внезапно сказала Хатидже. – Я хочу, чтобы моя история любви была похожа на вашу.

– Всему свое время. Встретишь своего суженого обязательно, – успокаивала я родственницу.

Хатидже не была эталоном красоты. Она немного полноватая, и кожа очень грубая, несмотря на юный возраст. Платок, под которым девушка прятала густые длинные волосы, всегда неумело завязан. Одежда подобрана неграмотно: юбки, которые должны сочетаться с классическими блузками, она носила с туниками, и смотрелось это по-деревенски никчемно.

Внешне Хатидже вела себя скромно, каждый раз опуска-

ла глаза при виде симпатичного парня, но я-то знаю, какие бесята шалят, стоит ей спрятаться в комнате с телефоном. Многие турецкие девочки ведут себя достаточно тихо в обществе, но на самом деле они такие же, как и мы – переписываются с мальчиками, говорят с ними на откровенные темы, некоторые даже отправляют фотографии, демонстрируя свои волосы. Я не уверена, делала ли так Хатидже, но однажды мне довелось прочитать ее переписку с одним мальчиком, которого она видела лишь несколько раз в школе. У меня создалось ощущение, что они слишком близко общаются для подобных отношений – дружеских, как утверждала Хатидже.

Глядя на нас с Ремзи, девушка с головой окунулась в мечты и стала чаще делиться со мной своими тайнами. Интересно, думала ли она, что я могла бы воспользоваться этими секретами, чтобы, к примеру, вернуть себе дочь? Сомневаюсь.

Настоящее время

Нож соскальзывает и попадает по пальцу, отчего я резко вскрикиваю. Джан вдруг оказывается рядом со мной, берет в руки окровавленный палец и прикладывает к губам. Ошеломленная, ничего не понимая, оглядываюсь по сторонам и замечаю, что мы одни на кухне. Фатма-ханым вышла.

– Джан, – с возмущением выкрикиваю и, отобрав свой палец, сую его под струю воды. – Больше так не делай! А если увидят. Фу, стыд какой!

Парень робко усмехается и нагибается ко мне, опершись локтями на столешницу.

– Ты не похожа на русскую девушку, – замечает он.

– Да? Это почему же?

– У тебя манеры турецкие. А еще... – он перебирает мои светлые волосы. – Если тебе перекраситься и стать темнее, то совсем не будешь отличаться от местных.

– Находишь? А как же акцент?

Джан замечает на полке медицинский пластырь, берет его и помогает заклеить ранку.

– У тебя нет акцента. Ты отлично говоришь по-турецки... гм... за исключением некоторых ошибок.

– Каких же? – удивляюсь я. Меня никогда и никто неправлял в турецкой речи, поэтому я ни сном ни духом о том, что говорю неправильно. Даже на комиссии, перед получением турецкого гражданства, его члены похвалили за редкостное знание языка. А теперь я слышу от Джана такие вещи и недоумеваю.

– Например, ты путаешь времена глаголов. И часто не к месту вставляешь некоторые обороты.

– О.

– Да, но это не слишком заметно.

– И, тем не менее, – я продолжаю заниматься салатом.

Фатма-ханым уже вошла на кухню и разливала по тарелкам куру фасулье, делая вид, что не слушает нас. – Тем не менее, ты заметил эти ошибки.

Он посмеивается добродушной улыбкой, словно намеренно издевается надо мной. Я хмурюсь.

– Фатма-ханым, салат готов! В какую тарелку переложить? – громко говорю ей с четким русским акцентом. Джан на этот раз прыснул и расхохотался. – Озорник, – проговариваю сквозь зубы, затем отворачиваюсь, приняв у женщины тарелку.

Далее ужин проходит спокойно. Джан разговаривает с мужем Фатмы на разные обыденные темы, одна из которых – вечная война в Сирии. Лишь изредка ловлю на себе взгляд его пронзительных карих глаз. А сама всю трапезу вспоминая сегодняшний вечер у водопадов, поездку на скутере и слова Джана. Нет, уговариваю себя, больше никаких отношений! К тому же я еще замужем и это неправильно.

Утром Джан действительно забирает меня из дома на машине. Почти всю дорогу мы молчим, лишь ограничившись тупыми вопросами и ответами.

– Как твой палец?

– Не болит.

– Выспалась?

– Вполне. А ты?

– Спал как младенец.

– Хорошо.

– Да.

На этом наш разговор подошел к концу. Даже смешно стало.

В течение дня Джан не появляется, и хорошо. Не хочу с ним встречаться, боюсь почему-то. А вечером, стоит только моей сменщице появиться, как я запрыгиваю в свой «опель» и мчусь домой, ликуя, что сегодняшний вечер свободен.

Дома поспешно принимаю душ, надеваю легкий сарафан, который недавно купила, хватаю телефон, книги и еду в кафе, где подают вкусный «Искандер кебаб». Сделав заказ, подключаю интернет и просматриваю входящие сообщения. Влад волнуется, спрашивает как Камелия. «Что-то давно ее фотографий не присылала. Дядя соскучился». От этих слов у меня ком в горле застревает, даже приходится водой запить. Надо что-то придумать, но признаваться не собираюсь.

Очень долго думаю над ответом, затем лезу в Инстаграм и на свое счастье нахожу новую фотографию Камелии. Слезы льются от счастья видеть свою улыбающуюся девочку. Делаю скрин, вырезаю так, чтобы брат не заметил, что фото с Инсты, затем отправляю ему и пишу самые банальные вещи: «У нас все хорошо. Зубки лезут!»

Удовлетворившись ответом, вновь лезу в Инстаграм, проверить с чьей страницы сделала скрин, ведь Ремзи и его брат давно заблокировали меня. Такого сюрприза я точно не ожидала. Страница принадлежит Ферузе! Она разблокировала меня! А еще ко всему прочему написала мне сообщение.

Передо мной появляется долгожданный кебаб, но аппетит резко пропадает. Открываю сообщение, чувствуя, как сотрясается всё тело от сдерживающего рёва и стона.

Сообщение не короткое:

Привет, Хлоя! Знаю, что ты злишься на всех нас и понимаю, что тебе сейчас очень больно. Я тебя очень люблю и хочу, чтобы ты всегда помнила об этом. Не в моих силах что-либо изменить. Это решение моего отца... Я долго думала, как связаться с тобой. Ремзи-аби сказал, что ты вернулась в Россию, но я почему-то не верю. Ты ведь не сможешь бросить Камелию...

Отрываюсь от письма, чтобы взять побольше салфеток. На меня смотрят люди, а я задыхаюсь от горьких слез.

... Я могла бы тебе позвонить, но мои братья могут увидеть и наказать меня, отобрав телефон. Я совсем недавно получила шанс пользоваться мобильником, и очень дорожусь им. Омер часто проверяет входящие и исходящие звонки. А про Инстаграм они ничего не знают. Если узнают, то разорвут на части! Ладно, ближе к делу. В общем, решила тебе сюда написать. Мы пока в Османели, но в скором времени всей семьей перебираемся в Аланию. Братья нашли отца и маме работу, где хорошо платят. За Камелией буду присматривать я. В этом году папа сказал не стоит поступать в университет, так что весь год я буду свободна. Спросишь, как же дом в Османели? Мы его продаем, чтобы купить квартиру в Алании, в Конаклы, конечно же! Я хочу

помочь тебе видаться с Камелией, но при условии, что ты ее не украдешь, иначе из меня душу вынут... Отец, если я совершу хотя бы маленькую ошибку, выдаст меня замуж. Ты знаешь, как я этого боюсь. Поэтому думай, Хлоя... Лучше так, чем совсем никак, правда? Напиши мне. Жду.

С минуту я не двигаюсь, затем перечитываю сообщение еще раз. Не хочу упустить ни одной детали.

Итак, решение выкрасть Камелию принадлежит Муазу Тарлану – моему свекру. Теперь, когда они уверены, что я уехала в Россию и не потревожу их, Муаз принимает решение продать дом и поля в Османели, чтобы переехать в Ала-нию. Вот это никак не вяжется с тем, что я знаю. Мой свекр был так привязан к своему дому, к городу и родственникам, которые проживали там, что резкая смена жительства становится невыносимой. При том, что я могу появиться в любой момент.

Я не спешу с ответом, а для начала отправляю Ферузе ряд вопросов

Спасибо, что написала. Признаться, я очень ждала твоего звонка, ведь сама я не смогла ни до кого дозвониться. На самом деле я в России, но от встреч с дочерью не отказываюсь. Я могу приехать. Скажи, а ты сможешь присылать мне ее фотографии хотя бы иногда? И еще... Ремзи хочет со мной развестись? Какие у него планы? Прошу, ответь. Для меня это очень важно.

Нажимаю «отправить» и откидываюсь на спинку стула.

Чувствую, как свинцовой волной накатывает усталость. Перебираю в голове мысли и прихожу к выводу, что все делаю правильно. Я в России. Для них. Ферузе до конца верить нельзя, ведь это может быть ловушкой. К тому же, необходимо убедить их в том, что я бессильна.

Хотя... пока что я действительно ничего не могу сделать.

2017 год

— Когда ты познакомишься с моей сестренкой, то будешь в восторге! Она очень милая. Уверен, что вы отлично поладите, — говорил Ремзи, пока мы ехали из аэропорта к ним в дом. Наши пальцы были переплетены. Меня ничего не волновало, лишь бы он был рядом.

Но увидев Ферузу впервые, я на самом деле была от нее без ума. На момент нашего знакомства, девочке едва исполнилось пятнадцать лет. Тогда она еще не носила хиджаб. Волосы у нее густые и черные, глаза большие с длинными ресницами, настолько темными, что иногда казалось, будто она подводит веки тонкой кисточкой «айлайнера». Но Феруза начала пользоваться косметикой только после семнадцати. А голову покрыла через год после нашей свадьбы с ее братом, поэтому сейчас она полноценная мусульманская девушка, которая не приемлет узких брюк и даже не следит за модой «тесеттур» (хиджаб — женская одежда с головы*

до ног).

Несмотря на языковой барьер, мы поняли друг друга с первых слов. Она всюду ходила за мной и помогала освоиться в турецкой культуре. Настоящей культуре – не той, что привыкли видеть туристы, приезжая отдохнуть на Средиземное море, а культуре людей, проживающих на территории Турции. Первые месяцы я испытала культурный шок и если бы не Феруза, вряд ли смогла бы совладать с собой.

Когда мы с Ремзи стали жить отдельно, Феруза несколько раз приезжала в Аланию на каникулы. Вот уж кому я действительно была рада. Иногда мы не спали всю ночь. Разговаривали на разные темы, хохотали над самыми обычными вещами. Нам было весело. Когда родилась Камелия, она приехала на целых три месяца, чтобы помочь по дому, за что я была очень благодарна этой девочке.

– Ты был прав, Ремзи, – однажды сказала мужу, – Феруза потрясающая девушка и тебе повезло с сестренкой.

Настоящее время

– Хлоя? Очнись.

Вздрагиваю и вижу лицо Аслана.

– Ты стоишь у бара уже полчаса и не сводишь глаз с телефона. Что с тобой?

– Ничего.

Уже два дня хожу как зомби, ожидая ответа от Ферузы. Успокаивает только то, что под сообщением не стоит пометка «просмотрено». Поскольку братья запрещают ей пользоваться Фейсбуком и Инстаграмом, она делает это тайно, а значит просто не находит способа ответить мне.

– Русские туристы пришли. Обслужишь?

– Да, конечно, – безропотно отвечаю я и иду к столику.

Двое молодых парней смотрят на меня оценивающим взглядом. Один сидит в синей майке с принтом баскетбольного мяча, ухмыляется толстыми губищами. В детстве мы людей с оттопыренной нижней губой называли «губошлёпами». Второй – белобрысый симпатичный кудряш с веснушками. Он мне показался нормальным, а вот мистер Губошлёп настолько непривлекательный, что я бы точно не хотела увидеть такого во сне.

– Наша что ли? – с ухмылочкой спрашивает мистер Губошлёп. – Русская?

– Что будете заказывать? – игнорирую вопрос парня, стараясь быть вежливой.

– А что посоветуешь, красотка?

На секунду замираю. Неужели этот дегенерат возомнил себя таким мачо, на которого поведется любая девчонка? По-моему, он мало смотрится в зеркало.

– Смотря что вы предпочитаете. У нас есть традиционная турецкая кухня, а также скандинавская и европейская – на выбор.

– А если я хочу тебя?

Замечаю, что блондин ржет, спрятав рожу за папкой меню.

– Простите? – делаю непонимающий вид.

– А я неясно выразился, куколка? В Турции встретить хорошенькую русскую девочку – большая редкость. Ты же, наверняка, любительница позажигать. Заодно скажешь, кто в постели лучше: русские или турки.

Не знаю, как у меня это получилось, сама себя не контролировала в тот момент. Но мой кулак каким-то образом проехался по лицу обидчика.

Прихожу в себя только тогда, когда слышу писклявый визг Губошлёпа, а меня крепко спиной прижимает к своей груди Джан. Блондин кричит на него по-английски, что будет жаловаться.

К счастью, Вика, которая пришла меня заменить, все видела и слышала от начала и до конца. Она-то и разъяснила всю ситуацию шефу.

Я не знаю, о чем Джан говорил с этими парнями. Меня увели в подсобку. Аслан перевязал распухший кулак.

«Как же хорошо я ему звезданула», – мысленно отмечаю я, довольная собой.

– Ты посещала какие-то секции боевых искусств? – чуть посмеиваясь, спрашивает Аслан.

Не удерживаюсь и начинаю хохотать. Понимаю, что смех выходит каким-то истерическим, но ничего не могу с собой

поделать.

– Думаю, стоит попробовать. У меня тяжелая рука.

– О, да! – кивает парень. Губу ему разбарабанило не хило. Девчонки, которые любят накачиваться ботоксом, обзавидуются.

От смеха у меня живот разболелся. Я не видела, что стало с лицом того наглеца, но вполне могу себе это представить, отчего еще больше закатываюсь.

Через час Джан предлагает мне прогуляться по пляжу. Он выглядит напряженным, но не сильно. По крайней мере, за все пять минут он не проронил ни слова и не улыбнулся.

Я тоже не спешу говорить с ним. Боюсь.

– Ну что, Хлоя? – наконец молвит он, берет мою руку и тянет за собой, приглашая сесть на песок. Вокруг ни души, только волны метрономом отсчитывают удары моего сердца. Ну, и если не принимать в расчет чаек, что время от времени жалобно вскрикивают, будто им больно.

– Уволишь меня?

– Глупышка, ты ведь просто защищалась. – Как ласково звучат его слова. И этот взгляд...

– Ты прав, я никому не позволю надругаться над собой. Я... – начинаю улыбаться. – Правда, я не собиралась его бить.

Грудная клетка Джана начинает сотрясаться, он отворачивается, но я же вижу, что ему смешно. Тоже хохочу.

– Что они тебе сказали?

– Извинились.

– Да?

Его лицо резко принимает такое серьезное выражение, будто ему предстоит принять важное решение. А мои щеки, при этом, заливаются краской. Я чувствую это!

– Хочешь знать, почему они так поступили? И ты не в праве меня осуждать, – после моего кивка, продолжает Джан. – Я защищал твою честь.

– Что ты им сказал?

– Что ты моя девушка.

Я смотрю на него слишком долго, пораженная, словно ударом молнии. Поймав момент, Джан наклоняется и целует меня. В губы. Инстинктивно закрываю глаза, и мои чувства обостряются. Его ладонь придерживает мою голову за шею и подбородок, а второй он опирается на песок, так как мы сидим не в очень удобной позе. Он выплюнул жвачку только пару минут назад, поэтому успеваю ощутить вкус мяты прежде, чем отталкиваю его.

Быстро поднимаюсь на ноги.

– Больше этого не делай, слышишь? – в неистовстве кричу я и убегаю. Потому что не могу остаться. Не хочу объяснять причины. Их слишком много. Джан не должен узнать мою историю. Не должен! И влюбляться в меня не должен!

Горячие дорожки слез текут по щекам. Что делать, я ума не приложу. Даже если Джан не обидится и будет улыбаться мне при каждой встрече в обычной своей манере, я все равно

буду видеть в его карих глазах упрек: некрасиво поступила со мной, Хлоя.

ГЛАВА 7

Меня разворачивают к зеркалу, и в течение нескольких минут пытаюсь привыкнуть к своему новому образу.

Сколько себя помню, всегда была блондинкой. Родной цвет волос – светло-русый. И в мыслях не было перекрашиваться в чёрный, поэтому сейчас я словно не на себя смотрю. Другая жизнь, другая я.

Сегодня Джан неожиданно дал мне выходной. Могу представить, что он сейчас чувствует. До сих пор не знаю, правильно ли я сделала, что ушла. Сколько раз мысленно возвращалась к этому чертовому поцелую. Да, при других обстоятельствах я могла бы ответить ему взаимностью, но сейчас меня раздражает ненависть к Ремзи, а вместе с ним и ко всем мужчинам.

Воспользовавшись данным мне шансом, после салона красоты иду в магазин мусульманской одежды для женщин. Покупаю чёрный хиджаб, черную шаль, черные туфли без каблука. Феруза еще не прислала ответ, но я должна быть готова в любой момент. Если мне придется ехать в Аланию, чтобы тайно встретиться с дочкой, то никто не должен меня узнать. Хиджаб – отличный способ спрятаться.

Я терпеливо жду сообщения девушки, понимая, что ей очень сложно увильнуть от обязанностей, спрятаться от родителей и братьев, чтобы зайти на страницу в Инстаграм и

написать мне. Очень надеюсь, что она написала не с целью пронюхать, в России я или нет. Хотя стоило ли распыляться в письме, когда вопрос мог бы быть задан в лоб. Как же хочется верить Ферузе.

В машине набираю номер Светы. Ничего существенного она мне не сообщает. Говорит, что муж ничего не упоминал о Ремзи.

Вечером возвращаюсь домой – в свою маленькую комнату. Аккуратно складываю хиджаб и убираю его в шкаф. Когда наклоняюсь, черный локон падает на лицо. Сегодня время от времени задаюсь вопросом: правильно ли я поступаю? Результат наших действий никогда не зависит от нас. Сейчас я чувствую себя пойманной, загнанной в жизненный тупик, словно мышка в ловушке. Я вроде знаю, куда двигаться дальше, но в то же время мне страшно: вдруг сверну не на ту дорогу или войду не в ту дверь. В случае ошибки никто не придет мне на помощь и тогда меня поглотит зверь по имени реальность.

Сигнал о сообщении приходит в тот момент, когда я устраиваюсь с булочками, чаем и книгами на кровати. Феруза прислала ответ.

Моему счастью нет предела. С волнением и дрожью открываю послание:

«Хлоя, я безумно счастлива, что ты мне ответила. По поводу развода я ничего не слышала. При мне, по крайней мере, о тебе разговор не заводят. У меня две хорошие новости

для тебя. Первая заключается в том, что мы на днях переезжаем в Аланию. Будем жить в двух шагах от Эсат-амджи. Ты знаешь, какой там большой парк рядом! Поняла намек? Ну, и отлично. Вторая новость: Камелия сделала несколько шагов вчера. Это умирительно. Я выслала тебе несколько фотографий. С твоей дочкой все хорошо, ты только не переживай. Я с ней почти целый день, а ты знаешь, что я всё делаю, как ты учила. Ладно, мне пора. Напишу тебе уже из Алании. До встречи».

По щеке побежала одинокая слезинка. Смотрю на фотографии своей дочки, чувствую, как мои плечи трясутся, а земля будто дрожит под ногами. Моя девочка начинает ходить – делает свои первые шажочки, а меня нет рядом. Не могу сдержать порыв, и слезы вырываются потоком из моих глаз. Слезы бессилия, обреченности и... материнской боли, которая удваивается, утраивается и так далее, всё выше и выше, от невозможности что-либо изменить.

Сентябрь 2018 год

В кухне зажегся свет и я, как перепуганная лань, отпрянула от стола.

– Ашкым, ты проголодалась?

Ремзи улыбался, глядя на то, как я дожжевываю большой кусок от сэндвича.

– Три часа ночи. Что случилось?

Я с трудом проглотила хлеб и ответила:

– Не наелась за ужином, видать. Не могла уснуть, вот и решила подкрепиться.

Ремзи поцеловал меня в лоб и крепко прижал к себе.

– Кушай, конечно. Я ничего не имею против. Просто ты так никогда не делала, вот я и удивился.

Но одной ночью это не ограничилось. Походы на кухню повторялись и появились более странные желания. Однажды я запала на консервированного тунца. Посыпала рыбу солью и поливала лимонным соком. Потом стала помидоры съедать по три штуки. А нелюбимые оливки уплетала банками.

Ремзи как-то спросил, здорова ли я. Пришлось серьёзно об этом задуматься, поскольку появились непонятные головные боли, за ними слабость. А еще нос закладывало. И на простуду не похоже, и давлением я никогда не страдала. Я вообще в жизни мало болела. И тут такое.

Позвонила свекрови. Она посоветовала сходить в больницу, сдать кровь и успокоить себя. Так мы с Ремзи и поступили. Я сдала кровь, а на следующий день забрала результаты, а вместе с ними кучу рекомендаций и направление в нужную больницу.

Весь день я думала, как поэффектнее сообщить мужу новость. Но все вышло спонтанно. Ремзи вернулся с работы не с пустыми руками. Он купил для меня целый пакет клуб-

ники.

– Тебе нужны витамины, – сказал он.

– О, да, – ответила я и расплылась в улыбке. – И не мне одной. Нам нужны витамины! – И с этими словами взяла руку Ремзи и положила себе на живот. – У нас будет малыш.

Помню, лицо Ремзи в тот момент выражало самое искреннее счастье. Его глаза блестели, наполнились слезами. Он хотел смеяться и плакать одновременно. Кружил меня по всему дому, кричал, как любит и целовал, целовал, целовал...

Настоящее время

А теперь отнял у меня это счастье...

Май

Прихожу домой с работы уставшая и измотанная. Жара только начинается, но от нее уже хочется куда-то деться. Первым делом бегу в душ. Прохладная вода возвращает мне силы, а заодно отгоняет все мрачные мысли. Надеваю лёгкий сарафан и чувствую себя великолепно.

У двери в комнату на деревянном столике нахожу ужин, оставленный Фатмой-ханым. Улыбаюсь, так как уже готова боготворить эту женщину. Она не дает мне голодать ни дня! На тарелке плов из булгура, салат, а также соленые овощи и

пиде* (турецкое блюдо, что-то среднее между пиццей и пирожком). До этой минуты я не испытывала голода, но глядя на всю вкусноту и внимая ароматы горячего плова, не могу устоять.

В комнате уютно устраиваюсь на кровати, устанавливаю мини-столик, который пришлось приобрести за неимением нормального стола, и приступаю к трапезе. В процессе дела проверяю Инстаграм. Феруза уже сообщила о том, что они переехали, и я с нетерпением жду ее дальнейших указаний. Мы договорились с ней, что условимся на какой-нибудь конкретной дате. Надо не забывать, что я «в России», да и к тому же, выехать из Анталии и добраться до Алании – на это тоже требуется время.

Тарелки пусты. Я не заметила, как проглотила ужин. Прибираюсь за собой, затем решаю провести остаток времени с книгами. На часах почти девять, но солнце нещадно проталкивает свои лучи в мое маленькое окошко, воздуха в комнате очень мало, что доставляет дискомфорт.

Стук в дверь отвлек меня от занятия. Это, наверное, Фатма-ханым пришла забрать тарелки, предполагаю я, сползая с кровати. С прилюбезнейшей улыбкой раскрываю дверь и... замираю на месте, а улыбка тает с быстротой мороженого в микроволновке.

– Каким ветром? – вместо приветствия вырывается вопрос.

– Хош булдук* (тур.: «Hoş bulduk») – ответ на приветствие

«Hoşgeldin», означающее «Добро пожаловать»).

– Прости. Добро пожаловать, – говорю и отхожу в сторону, приглашая гостя в мои скромные «апартаменты». А сама думаю, что Джан забыл у меня в такое время? Вроде виделись на работе. После того случая на пляже мы держимся друг от друга на расстоянии. Нет прежних задушевных разговоров, нет той дружбы, которая начала зарождаться между нами. Просто сухие отношения подчиненной и ее босса.

И вот он здесь.

Стою и наблюдаю за тем, как он нагло берет одну книгу за другой, читает, что написано на обложке, перелистывает несколько страниц и кладёт на место. Не спешу закрывать дверь.

– Не знал, что ты учишь финский язык. Зачем он тебе?

– Просто интересно, – бесстрастно отвечаю, при этом приглаживая свои волосы. – Надо же чем-то занимать себя. Там не только финский.

– Да, я вижу немецкие книги.

– Зачем ты пришел? – в лоб спрашиваю я.

– Поговорить.

– Что мешало сделать это в кафе?

– Ты избегаешь меня.

– Я?! Я избегаю?

– Да, Хлоя. Ты. – Облизывает губы. – Избегаешь.

Мы замолкаем, глядя друг на друга. Это похоже на продолжение спора глазами – кто кого переглядит тот и прав.

Я провожу рукой по волосам, явно рассерженная.

– Послушай, Джан...

– Нет, это ты меня послушай, – перебивает он, затем подходит к двери и захлопывает ее. – Ты врываешься в мою жизнь, как поток свежего воздуха, изменив мою судьбу. Заставляешь меня вспомнить, что такое чувства, после того, как я... потерял любимую. Поверь, у меня ушли годы, чтобы прийти в себя. Я не собирался заводить новые отношения, но тут появилась ты, Хлоя. Возникла из ниоткуда такая чистая и светлая, вдобавок очень ранимая. Я не знаю, что случилось с твоей семьей и почему ты не хочешь принять мою заботу, но смею предположить, что твоё сердце страдает от боли. Так ведь? – Джан делает шаг ко мне, но я отступаю. – Где твой ребенок? Ребенок, фотография которого стоит на заставке твоего телефона. Где он? Что с ним стало? Что стало с его отцом? Думаешь, я слепой?

– Я не намерена исповедоваться. Ты не думал, что у меня могут быть причины сторониться людей?

– Поэтому ты отталкиваешь меня?

– Нет, не поэтому.

– А почему? Не доверяешь мне? Согласен, мы мало знаем друг друга, но что мешает нам это сделать?

– Не трогай мое прошлое, хорошо? – наставительным тоном говорю я. Этот разговор заходит в дурные зыбучие пески, и я начинаю нервничать. – Я приехала в этот город, чтобы строить карьеру, ясно? Я не хочу, чтобы кто-то, даже ты,

лез в мою жизнь.

– Даже я... – повторяет он с нажимом. – Значит ли это, что ты меня выделяешь?

– Я не...

Вдруг Джан выставляет руки вперед, делая жест будто сдается.

– Хорошо. Я согласен не затрагивать твое прошлое. Но позволь хотя бы быть рядом.

Не верю я больше в то, что посторонний человек может хорошо относиться ко мне. Сначала создает иллюзию счастливой жизни, а потом сам же ее уничтожает. Я никогда не перестану сравнивать мужчин с Ремзи. Он был моим идеалом, подарил волшебство, наполнил светом и теплом мое сердце. Я жила в сказке, ничего не подозревая. Даже представить себе не могла, что за красивым, милым и влюблённым лицом может скрываться бездушное чудовище.

Это не значит, что Джан такой же, но мне трудно, очень трудно принять его заботу.

– Джан, – смягчаю тон, – ты и так рядом. Ты дал мне работу, нашел жилье и поддерживаешь в трудные минуты. Ты помогаешь мне выстоять. Не проси большего, умоляю.

Он отворачивается в сторону, словно пытается справиться с эмоциями. Прячет руки в карманах джинсов, желая таким образом скрыть свои душевные переживания.

Ежась, обнимая себя руками, подхожу к нему, смотрю на спину и широкие плечи, обтянутые белой тканью рубаш-

ки. Внутри меня что-то ломается и появляется желание прикоснуться к мужчине. Не отдавая себе отчёта, дотрагиваюсь до него, заставляя развернуться. Наши лица оказываются на опасном расстоянии. На пару долгих секунд мы замираем где-то между разговором и поцелуем, представляя собой увертюру, которая никак не перейдет к действию. Этот шаг должна сделать именно я. Зачем? А затем, что я истосковалась по мужской ласке. И этот мысленный ответ еще сильнее толкает меня к нему.

Становлюсь на цыпочки, беру его колючий подбородок в ладони и целую. Одной рукой он касается моей талии. По телу пробегает дрожь, когда кончики пальцев другой руки проходят по моим волосам. Почти неощутимо, как ночной ветер.

– Хлоя, – выдыхает он страстно.

– Ничего не говори, – велю я, расстегивая пуговицу за пуговицей на его рубашке. Что мной управляет, не знаю, но остановиться не могу. Я хочу этого мужчину здесь и сейчас. Сопротивляться больше не в силах.

Мы падаем на кровать. Джан покрывает мое тело жадными поцелуями. Чувствую запах его кожи, чувствую, как бьется и трепещет его сердце. Желание поднимается во мне волной. Его губы теплые и мягкие. Он так бережно обращается со мной. Забывая обо всем на свете, отдаюсь ему без остатка. А потом мы лежим, прижавшись телами друг к другу, и молчим.

– Я могу здесь закурить? – осторожно спрашивает Джан.

– Не-е-т, – протягиваю я. Не хочу казаться счастливее, пусть даже сама это чувствую.

– Ладно.

Снова молчим. Всё смешалось в моих ощущениях – и вялость, и душевный подъем от того, что произошло между мной и этим мужчиной, и льстившее моему самолюбию осознание того, что он был моим, и нам обоим было хорошо. Странно, что я не испытываю угрызения совести от того, что только что изменила своему мужу. Джан совсем не похож на Ремзи, но, тем не менее, прихожу к выводу, что совершила ошибку.

Резко встаю и начинаю одеваться.

– Ты куда?

– Тебе пора уходить, Джан. Надеюсь, ты не собирался провести здесь целую ночь?

– Что с тобой? – ничего не понимает парень.

– Хочу кое-что прояснить прежде, чем случится непоправимое. – Залезаю коленками на постель и смотрю Джану в глаза. – Ты можешь спать со мной, можешь пользоваться моим телом, но помни одно: я не буду тебе принадлежать как женщина. Я не готова к отношениям. Даже не вздумай присваивать меня.

Да, это звучит жестоко, но как по-другому?

Джан, не произнося ни единого слова, поднимается, надевает джинсы, берет в руку рубашку, но так с ней и стоит,

задумавшись.

– Хочу тебя понять, но для этого нужна причина, – говорит он неспешно. – Я не привык пользоваться женщинами.

Закрываю лицо ладонями.

– Я же просила...

– Можешь не рассказывать о своем прошлом, но, ради Аллаха, назови мне хотя бы одну причину...

– Да замужем я! – истерично выпаливаю и падаю на подушку, пряча свои слезы.

Не слышу ни единого слова. Скрипнула дверь, а потом я осталась в комнате одна со своими страданиями. Что же я наделала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.